

18+

*Илья
Стефанов*

СТРАНИЧНЫЕ РАССКАЗЫ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ

Илья Стефанов

**Страничные рассказы.
Издание второе, дополненное**

«Издательские решения»

Стефанов И.

Страничные рассказы. Издание второе, дополненное /
И. Стефанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-673977-2

Известный читателям книги «Золотой ларец», наполненной дивными рассказами книги «Тысяча и одна ночь», изложенными в стихах, автор предлагает пойти вместе с ним в мир российских дорог, мир, лишённый прихотливой красоты Востока, но обладающий особой лиричностью и задушевностью. Тексты рассказов представляют собой короткие зарисовки, одухотворённые волей автора. В книгу включены также письма из Алжира, в которых автор рассказывает о своей жизни на родине героев своей книги «Золотой ларец».

ISBN 978-5-00-673977-2

© Стефанов И.
© Издательские решения

Содержание

Страничные рассказы	6
Вступительное слово	6
Джоконда	7
Гори, гори, моя звезда	8
Создание небес	9
Старая песня	10
Лисица	11
Я хотел бы подарить тебе песню	12
Самопроизвольные мысли	14
Скарлетт	16
Маргарита	17
Канун пасхи	19
Черёмуховые вечера	20
Немного о счастье	21
Гуляние по-семейному	23
Рецидивист	25
«Омоновец»	27
Путешествие по графику	29
Яблоко	30
Криминальный случай	32
Вечернее, или О бедах	33
Фотография на память	34
Тайное тайн моих	36
Гармония	38
Кактусы	39
Сквозь радугу слёз	40
Чёрная магия	42
Четвёртый маршрут	43
НЛО	45
Предновогоднее происшествие	46
Чудеса пространства и времени	48
Вертолётчик	49
Юля	51
Чудесное мгновение	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Страничные рассказы

Издание второе, дополненное

Илья Стефанов

© Илья Стефанов, 2025

ISBN 978-5-0067-3977-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Страничные рассказы *Поэтические этюды*

*Время – мгновение, которое хочется
запомнить и остановить.*

М. Волошин

Вступительное слово

Данный раздел составляют короткие рассказы, подавляющая часть которых представляют собой зарисовки автора во время его поездок в поездах, пребываниях в гостях или в пеших прогулках. При этом автор удивляет тонкостью и глубиной наблюдений, касается ли это словесных портретов людей или связанных с ними обстоятельств. Рассказы перемежаются лирическими отступлениями, в которых автор стихами в прозе говорит о различных состояниях человеческой души. В последнем рассказе автор высказывает своё мнение о поэтах и поэзии.

Впервые книга «Страничные рассказы» была издана Издательским домом «Сибирская горница» в Новосибирске в 2010 году. Настоящее издание включает значительное число дополнительных рассказов.

Все тексты написаны в период времени с 2000 по 2012 год.

Джоконда

Со мною часто происходит что-нибудь чудесное.

Еду пригородным поездом на дачу. И вдруг вижу, сидит рядов через пять от меня по правую руку... Джоконда! Я стал часто поглядывать на неё. Видно, эта женщина нередко ощущала на себе любопытные взгляды, поэтому довольно спокойно и, я бы сказал, с пониманием иногда смотрела на меня, не выказывая ни удовольствия, ни раздражения. Сходство с Джокондой было поразительное, и, очевидно, моя спутница знала об этом, потому что волосы её были убраны так же, как у Джоконды, и декольте тёмного платья в точности совпадало у них по форме и по глубине выреза. Долгое время я, останавливая на ней свой взгляд, затем, отводя, запоминал её черты и сравнивал их с леонардовской Джокондой.

Образ моны Лизы всегда чётко вырисовывается пред моим мысленным взором, потому что очень часто освежается в памяти. Дело в том, что репродукция знаменитой картины много лет висит в моей комнате на даче, и я имею привычку смотреть на неё всякий раз по приезду. Надо сказать, эта загадочная женщина сменила в моём поклонении другую не менее загадочную, с которой я не расставался в молодые годы, захватывая с собою её портрет в многочисленных экспедициях и командировки – знаменитую «Незнакомку». Мне нравится улавливать или угадывать мысли этих женщин и *читать* их лица. Они, кажется, знают о мужчинах больше нас самих. Глядя на них, я как бы познаю свою сущность.

Живая Джоконда сидела передо мной в ракурсе, совпадающим с поворотом головы той, на полотне. Специально ли она так делала, видя, что я за ней наблюдаю? Мне хотелось, чтобы так было, но на её лице не было проявлений каких-либо чувств, оно было просто усталым или скорее скорбным, иконным. Это была не Джоконда с затаённой улыбкой, а Джоконда с затаённой скорбью. Это была российская Джоконда.

Иногда она поворачивала голову к окну, и тогда мне казалось, что её нос был с удлинением не вниз, а скорее вперёд, не так как у леонардовской, хотя я ту не видел в профиль. Я долго любовался линией контура её головы, особенно нижней части, там, где щёки переходят в подбородок. Эта линия была даже более изящная, чем у Джоконды на картине. И очень красивая стройная шея, совершенно ровная и гладкая. Интересно, что после нескольких остановок люди довольно тесно заполнили пространство между нами, однако, её лицо постоянно оставалось открытым для меня!

На последней остановке в пределах города наша Джоконда вышла. Я смотрел вслед уходящей к дверям вагона. Она была невысока, стройна. Её чёрное платье оказалось длиной до земли, точнее до её туфель, которые выглядели не очень модными и не очень новыми. Мне пришло в голову, что эта женщина как-то связана со служением Богу.

Гори, гори, моя звезда

Еду в электричке, читаю Александра Меня. Я раскрыл книгу в том месте, где утверждается, что творением Бога является всё, что создаёт человек в минуту вдохновения. Многие художественные натуры осознают это, другие – нет. Вот он приводит строки Алексея Толстого:

*Тицетно, художник, ты мнишь,
что творений своих ты создатель!
Вечно носились они над землёю, незримые оку.*

А ведь у меня было подозрение, переходящее теперь в уверенность, что мои сочинения прежде, чем я их написал, тоже уже *носились над землёй!*

Далее служитель Церкви ясными словами сказал о том, чему я следую подсознательно: нужно жить не в себе (*Отвергни себя* – евангельское), стараться не считать себя центром мироздания, а растворяться в природе и в других (что и есть любовь). Поразмыслив над этим, я пустился в воспоминания, стараясь найти среди своих поступков примеры любви в евангельском смысле.

Вдруг я услышал, как позади меня, у входа в вагон, женщина запела романс «*Гори, гори, моя звезда...*». Сначала я воспринял это как помеху, мешающую моим размышлениям. Но, заметив, что голос и пение необычайно красивы, с наслаждением стал внимать пению. Мне казалось, что я не слышал более проникновенного исполнения этого романса – тонкие нюансы тембра и громкости свидетельствовали о высоком исполнительском искусстве.

Закончив романс, женщина пошла по проходу с кепочкой в руке. Многие бросали туда мелочь. Когда она поравнялась со мной, я положил в её «суму» четыре некрупные купюры – всё, что у меня было в кошельке. Она обернулась ко мне и проговорила: «Это очень много!» Я сказал: «Ничего!» Я подумал, что ей надо дать не как нищей, а как артистке, как будто я побывал на концерте, иначе я унижу её. Конечно, если бы у меня в тот момент была крупная сумма, я бы всё ей отдал, потому что это был небывалый момент в моей жизни: в то время, когда я уяснял для себя что-то новое о любви, вдруг явилось божье знамение в виде этой нищей, переполненной любовью.

Сойдя с пешеходного моста на вокзальную площадь, я увидел певицу, стоящую на возвышении моста. Она оглядывалась вокруг, как будто решая, куда идти. Там, в электричке, я её не рассмотрел. Оказалось, что эта женщина не столько пожилая, сколько усталая. Лицо немного одутловатое, но достаточно симпатичное. Стройна. Одежда, хотя и застиранная, но чистая и хорошо согласована по фасону и цвету, так что героиня рассказа показалась мне знатоком не только пения. Осмотревшись, она спустилась по ступенькам моста и быстрым шагом направилась в сторону пассажирского вокзала. Я проследил за ней взглядом, пока она не скрылась в толпе.

Создание небес

Поднявшись в электричку, я увидел девушку с необычайно привлекательным лицом и сел через отсек от неё, чтобы не разглядывать в упор.

Первое впечатление было – иконный лик. Об этом говорили её большие с ободками глаза, тонкий прямой нос, губы со всплеском по центру, как у евреек, высокий лоб и изящной формы голова на стройной шее. Её волосы были рыжеватые, а лицо покрыто веснушками, но выглядело светлым. На ней не было никаких украшений – лишь серёжки в виде мелкого золотистого листочка украшали уши. Сами уши были открыты – волосы гладко прилегали к голове, перехваченные сзади неброским зажимом.

Она держала лицо вполоборота от меня, но иногда поворачивала его в мою сторону, глядя, впрочем, мимо. Иногда мне казалось, что она смотрит сквозь меня и видит то, что я заслоняю. Вела она себя беспокойно, постоянно меняя направление взгляда. Создавалось впечатление, что этому созданию небес неуютно на земле, что ему нужно время, чтобы привыкнуть к земной обстановке.

В ней всё было необычно, всё восхитительно. Глаза, если она вскидывала их к небу, что она делала часто, будто тоскуя по месту своего обитания, казались огромными. Когда она смотрела прямо перед собой, раствор век был невелик, но значительность глаза проявлялась в большой выпуклости верхнего века. Я не встречал ещё таких необычных глаз. Но, конечно, наибольшую прелесть лицо приобретало при взгляде вверх, когда оно было поистине ангельским.

Её уста умиляли. Это была частичка нежной плоти, похожей на цветок. Казалось, к ним можно прикасаться только лёгким поцелуем, как это делают, восхищаясь ребёнком. Её шея была отдельным искусным произведением Бога. Стройная и гладкая, как мраморный столбик, она была создана, чтобы значительно приблизить голову к небу.

На некоторое время нас разъединил пассажир, усевшись на пути моего взгляда. Но девушка как раз облокотилась на подоконник, при этом изогнула руку так, что её локоть был обращён ко мне. Я отметил белизну и гладкость кожи и был поражён углублением на кончике локтя, что, как мне казалось, бывает только у детей.

Я наблюдал за ней, когда она вставала с места и когда шла к выходу. Эта необыкновенная девушка и в полный рост выглядела на славу, обладая изумительно женственными движениями рук и поступью богинь – всё как на полотнах старых мастеров.

Я любовался ею из окна вагона, пока она не затерялась среди людей.

Старая песня

В очередной раз еду я в электричке, чтобы отдохнуть денёк-другой на даче. Вагон полупустой. Некоторые пассажиры заняты мороженым или газетами, купленными у немолодых разносчиков. Не найдя достаточно интересного объекта наблюдения, углубляюсь в свои привычные думы, далёкие от земных забот. Вскоре слышу позади себя пение, производимое, мягко говоря, неголосистой женщиной, по-видимому, очень пожилой. Когда она проходит мимо меня, я вижу какзря одетую женщину с неправильным лицом в бельмах. Похоже, что оно было когда-то обожжено. Женщина держит перед собой небольшую железную кружку в зелёной полуде. В такой кружке много лет назад, я помню, заваривал чифир один мой свояк после возвращения из мест не столь отдалённых.

Я внимательно слушаю песню, которая льётся под звон не слишком часто опускающихся в кружку монет. Замечаю, что это искажённое в слове и мелодии сочинение известной эстрадной певицы:

*Нас никто с ним в церкви не венчал,
Но душа моя горит в огне.
Ах, зачем, зачем ты ускакал
На буланом на своём коне!
.....
В любви – глубокий след
Или нет следа
Всех жесточе бед
Мне любовь-беда.*

Мой вагон – первый, поэтому нищая, пройдя его и как раз закончив песню, пошла обратно. Возвращалась она с другой песней, но я, в переживаниях прежней, и стараясь её запомнить, не уловил, что именно она исполняла.

Когда поющая нищая покинула вагон, в него тут же вошёл не просто высокий и симпатичный, а, я бы сказал, породистый молодой человек. Прямо от дверей он громким голосом стал предлагать пассажирам книгу, в которой есть ответы на все *почему*: почему распадаются браки, почему между людьми возникает ненависть и желание мстить, почему дети бывают агрессивны и не слушают родителей и – на все другие вопросы. Спрос на эту книгу среди пассажиров оказался нулевым. И – поделом! Время «почемучек» – детский возраст, в котором каждый узнаёт для себя всё, что ему хочется. Взрослых людей больше интересуют вопросы «Что делать» и «Кто виноват?».

Мне не доставили радости эти двое. Наоборот, они ввергли меня в глубокую грусть. Первая – своей беспомощностью и видом запустения, второй, наоборот, своей природной мощью, но не реализованной. Ему бы жить во дворце королём и разводить принцесс. У той и другого не было никакого таланта к своим занятиям. Они это делали с чувством обречённости и как бы через силу. Похоже, им самим было неприятно и унижительно их дело. Но где он, свой путь?

Лисица

В вагон входит девушка – высокая, тонкая, стройная. Садится напротив меня в соседнем отсеке. Я не мог не понаблюдать за ней. Ненавязчиво посматриваю на её лицо, которое сразу показалось необычным. Вижу, что линия скулы у неё почти без изгиба переходит в линию наружной части уха, потому что мочки – нет. Далее замечаю, что впадина, обычно занимающая среднюю часть ушной раковины, распространяется до верхней кромки уха. От этого оно кажется глубоким и удлинённым. А поскольку оно ещё и немного заострено – такое впечатление, что это ухо лисицы. Но очень милое – маленькое и загадочное.

Мне захотелось внимательно рассмотреть уши окружающих. Оказывается, они такие разные! Через некоторое время прихожу к выводу, что по форме ушей люди разделяются на три типа:

Человеческое ухо: нижний отдел, впадина и верх – одинакового размера. Человеческое, потому что не напоминает ухо животного. *Ухо лисицы*: впадина преобладает по размеру и распространяется вверх, мочки или нет или она очень маленькая. *Ухо овцы*, когда нижний отдел заметно больше других (в основном, за счёт мочки).

Весь дальнейший путь я продолжаю любоваться необычной спутницей. Девушка полна неги, что проявляется не только в её лице и позе, но и в жестах. Она довольно часто меняет положение тела мягкими волнистыми движениями, усиливающими её сходство с лисицей. Иногда потягивается, напрягая сцепленные руки вниз, а однажды вскинула их вверх. При этом то, что бывает у женщин на груди, тоже постаралось подняться вверх, но – не получилось: лишь зрачки грудей, легко угадываемые через тонкую ткань кофты, как бы взметнулись мне в глаза.

Я любовался и лицом своей попутчицы. Сначала мне всё нравилось. Однако, сосредоточив внимание на деталях, замечаю, что у неё толстоват кончик носа. Но, поразмыслил я, почему он должен быть тонким, если находится над пухлыми губами! Её губы, короткие, напитанные красным соком, бросаются в глаза. У этой замечательной девушки каждый маленький недостаток компенсировался каким-либо достоинством! Выдаются ключицы, но это не сразу замечаешь из-за гладкой блестящей кожи и красивой шеи. Плечи широковаты, и когда руки опущены вниз – между ними и тонким телом довольно большое пространство. Но это же тип египтянки с древних фресок, и это – волнует.

Я хотел бы подарить тебе песню

Однажды в конце лета ехал я на электричке в город, покинув дачу в разгоравшийся день ради друга, которого нужно было поздравить с днём рождения. Сначала я уселся так, чтобы следить глазами восходящее солнце, которое бросало своё золото вдогонку поезда. Я это делаю не только, чтобы полюбоваться красотой светила, но и с намерением потренировать хрусталик и очистить глазное дно от всяческого мусора, скапливающегося утомлением глаз экраном компьютера, на который мне приходится смотреть большую часть дня.

Очистив глаза, я пересел так, чтобы наблюдать набегающую на поезд природу, вбивавшую в себя радость восхода, но очень быстро был отвлечён от этого полезного занятия видом двух симпатичных девушек, сидящих друг против друга в соседнем слева от меня отсеке вагона. Девушки, как девушки, но и не совсем обычные. Они сидели очень красиво – с распрямлёнными спинами, а при этом талия, возвышаясь над бёдрами, напоминает стебель цветка, реющего над вазой. Впечатление цветка не уменьшалось от одной из них из-за того, что она держала спину не вертикально, как её подруга, а с наклоном назад, опираясь плечами о спинку сидения. Первая, блондинка, в короткой красной юбочке и чёрной вязаной кофточке, сидела, положив ногу на ногу, вторая, брюнетка, в серых шароварах и кофточке светло-серых тонов, держала ноги вольно. Обе читали книжки небольшого формата – блондинка, не отрываясь, а брюнетка с перерывами, в которых она пыталась вовлечь подругу в беседу, но не добивалась успеха. Снова принимаясь читать, она часто окидывала рассеянным взглядом пространство вагона.

При въезде в город в вагон вошёл парень с гитарой, и тут же послышались чёткие, полнотонные аккорды, извлекаемые из струн энергичной рукой. Затем он запел, и его голос, мужественный и нежный в одно и то же время, добавлял свою энергию гитарным аккордам, подчиняя и поработавшая мою душу, которая стала со вниманием следить за представлением, наслаждаясь гармонией музыки, пения и видом певца – парня с мужественной красотой, которого крушила любовь. Форма стиха была чёткой и ясной и держалась на повторении в первых строках куплетов желания влюблённого подарить любимой песню, затем танец, и далее небо и сердце... Впечатление от заключительного куплета было сказочным: герой оказывается с любимой в тёмном лесу, но – где любимая? Ау! Её нет! Она исчезла! Но, если она отзовется, он её разыщет и в тёмном лесу! Ау!

Внимая певцу, я наблюдал, как воспринимали его мои спутницы. Лучше сказать, как не воспринимали, потому что, занятые чтением (блондинка) или своими беспорядочными мыслями (брюнетка), они не изменили своего поведения, как и выражения лиц. Они вели себя так, как будто певца вовсе и не было, и только, когда он проходил мимо них, блондинка, обращённая к нему лицом, бросила на гитариста короткий взгляд, каким обычно взглядывают на случайного прохожего, и снова уткнулась в книгу.

Стараясь понять их отношение к происходящему, я подумал, что мои спутницы – дети XXI века, забывшие выражение любви в слове и музыке.

Немного погодя, когда поезд летел уже по городу, я решил, что это моё заявление слишком поспешное и, продолжая размышлять о поведении моих спутниц в этой златоутренней, поэтической по воле случайного певца поездке, придумал два других взгляда на происшедшее.

Рассудочный взгляд. Блондинку так заинтересовала её книга, в которой она находила ответы на все свои почти отроческие *почему*, а брюнетка так была занята разрешением какого-то чрезвычайно важного сердечного движения, что они не способны были воспринимать что бы то ни было из внешнего мира.

Мистический взгляд. Мухаммед (пророк) говорил, что из трёх человек только один от рождения наделён способностью понимать и воспринимать любовь. Второй потенциально

обладает этим качеством, он может быть разбужен для любви, а может и не познать это чувство никогда. Третий обречён жить, не зная, что такое любовь, живёт не по любви. Мне не хотелось утверждаться в мысли, что мои спутницы схожи с последним. Мне казалось, что их не отнёшь и к наделённым любовью от рождения. Но если они относятся к людям с глубоко спрятанными запасами любви, то востребовать эти запасы может воспоминание о Боге (который и есть любовь). Разбудить нашу любовь к цветку, к музыке и словам, прославляющим любовь, может мысль о том, что цветок знает о Боге и цветёт в его славу, что музыка и слова любви звучат не случайно и возникли не по воле человека, а по воле Бога, чтобы мы восприняли их, как божественное послание нам, как весть о том, что и в нас присутствует Бог, присутствует любовь.

Но кто сейчас помышляет о Боге?

Тёмный лес. Любимая! Ау!

Я хотел бы подарить тебе песню!

Самопроизвольные мысли

Лето. Август. Река. Я лежу на высоком берегу после того, как нырнул и немного проплыл. Вода остыла от дождей, и я успел насквозь прохладить кожу, теперь она радостно вибрирует на моём возрождающемся теле.

Солнце сегодня во всё небо, но – ветер. Холодный. От ветра меня укрывают черёмухи и высокие плотные травы вокруг них. Черёмухи охватывают уютное место моего отдыха полукольцом, открывая вид на реку. Но оба крыла этого полукольца продолжают ивами по откосу берега к самой реке, так что вода видна только в просветах зарослей. В такую зелёную крепость ветер врывается изредка непродолжительными порывами, которые отклоняют от моего тела солнечные лучи, начинающие подпекать меня. Я долго лежу на спине, наслаждаясь сменой солнечной ласки и прохлады ветра.

Я размышляю о благотворности солнечных дней и сожалею о краткости сибирского лета с редкими днями вёдро. Лето запоминается солнечными днями, поэтому кажется совсем коротким. Да, оно проходит быстро, и мы торопимся насладиться горячим светом.

Правда, что частая смена погоды ввергает человека в раздумье и беспокойство. Душу смущают приходящие сами собой мысли о бренности жизни и её скоротечности. Слишком сильно ощущается движение времени в чередующихся на глазах картинах природы.

Всё познаётся в сравнении. Я вспоминаю своё четырёхлетнее пребывание на южном побережье Средиземного моря, в Магрибе. Высокое ласковое солнце, припекающее не так сильно, как бывает у нас в июле при ясном небе, сияет там на безоблачном небе сегодня так же, как вчера, и так – на протяжении недели, месяца, полугода.... От этого приятного однообразия время останавливается, вселяя в душу величайшее спокойствие и *уверенность в завтрашнем дне*. Остановку времени ощущают и растения. Цветы, распустившись и не замечая изменения времени, сами не изменяются, оставаясь раскрытыми и свежими неделю, месяц, полгода. Месяц в Африке по движению жизни – как один солнечный день в Сибири.

Далее я начинаю размышлять об ощущении времени. Оказывается, животные и насекомые по-разному чувствуют его, точнее – оно течёт с разной скоростью для разных организмов. Так мухи живут в очень медленно текущем времени. В нашу секунду они переживают, может быть, минуту. Поэтому их трудно прихлопнуть! Мы стараемся резче взмахнуть рукой, перемещая её в течение десятой доли секунды, а они видят медленно-медленно приближающуюся к ним руку, как будто она двигается по своему «убийственному» пути шесть секунд! Естественно, что они легко могут отлететь.

Мне становится забавным рассуждение на эту тему, и я продолжаю так:

За шесть месяцев, с апреля по октябрь, когда в Африке сплошное солнце, у нас наберётся таких дней с натяжкой – на месяц. Значит, время там движется в шесть раз медленнее. И наш век 100 лет для африканцев как 600. Становится понятным, почему восточные мудрецы мудрее наших, это – раз. Второе – совершенно очевидно, что библейские пророки, пребывающие в изобилии солнечного света, и вправду могли жить по несколько сотен лет. Потому что по нашему это несколько десятков лет, и значит, всё без вранья!

Возвращаясь к мухам, которых время от времени гоню от себя, я задумываюсь о том, почему у них другое течение времени, если мы живём с ними бок о бок? И тут, ещё более затрудняя для понимания проблему времени, я вспоминаю, что в разные, хотя и похожие по погоде дни, время для меня самого течёт с разной скоростью. Я часто прохожу вокзальную площадь, глядя на часы над зданием вокзала. И заметил, что одним и тем же шагом я прохожу через площадь то за три, а то за одну минуту!

Можно предположить, что у каждого человека своя скорость течения времени. Про тех людей, которые по этому качеству близки к мухам, говорят – они обладают большой реак-

цией. Яркий пример – боксёр Мухаммед Али, уклоняющийся от молниеносных ударов соперника. Как ему не уклониться, если этот молниеносный удар для него как замедленная съёмка! А Брюс Ли, успевающий схватить монету с чьей-то ладони, на миг раскрывшейся перед ним на расстоянии вытянутой руки!

Я далее с удовлетворением замечаю, что по ощущению времени я тоже бываю близок к мухам. Я всегда подхватываю на лету то, что роняю, будь то монета, ложка, чашка или трёхлитровая стеклянная банка. Однажды мне удалось поймать на лету двухлетнего ребёнка, падающего со стола. Кто-то сказал тогда: «Ну и реакция у вас!» А я сейчас думаю, причём здесь реакция? Просто ребёнок медленно падал! Да! А вот ещё! Однажды в бездумной юности я смог схватить за ошейник и приподнять над землёй большую цепную собаку, отделавшись лишь лёгкой царапиной на предплечье от её клыка.

Лето. Август. Река. Я лежу на высоком берегу после того, как снова нырнул и немного проплыл. Вода остыла от дождей, и я успел насквозь прохладить кожу. Теперь она радостно вибрирует на моём возрождающемся теле.

Скарлетт

Прошедшей зимой мне часто нездоровилось. В один из периодов недуга я с женой был приглашён на юбилейный день рождения одного из моих друзей. Мне показалось, что я почти выздоровел, и – согласился прийти.

Приглашённых было довольно много. Время проходило за тостами, разговорами, шутками. Поначалу я чувствовал себя хорошо, даже произнёс что-то забавное в очередном тосте за именинника. Затем как-то сник, заскучал и потерялся.

В разгар вечера я чувствовал себя совсем уже неважно и только терпеливо переносил всё, потому что видел – жену развлекает и этот стол, и это общество, и она с удовольствием вливается, иногда лидируя, в разговоры.

Меня лихорадило. Я мечтал об уединении и кровати. Некоторым отвлечением было наблюдать за одной симпатичной женщиной. Чтобы не утомлять вас её описанием, я лишь скажу, что она – точная копия Скарлетт из одноимённого английского фильма. Когда-то мы с ней работали вместе и, симпатизируя друг другу, иногда, оставаясь одни, забавлялись лёгким флиртом. Теперь она, кажется, даже не смотрела в мою сторону. Когда уставшее от еды общество решило потанцевать, и моя бывшая сотрудница пошла с кем-то (а здесь она была без мужа), моя жена заметила: «Какие у неё стройненькие ножки!». Это было открытием для меня, потому что мне как-то не бросалась в глаза стройность ног моей бывшей сотрудницы. Но жена моя знает толк в гармонии человеческого тела, и я, задумавшись, стал наблюдать за ногами танцующей Скарлетт.

Немного ещё потерпев суету вечера, в запутанных смутных чувствах, совсем упав духом от сознания того, что не могу вписаться в весёлую компанию, чувствуя лихорадку тела, я сказал жене о желании покинуть пирушку. Мы заявили об этом хозяевам вечера, и, поблагодарив за приятно проведённое время и ещё раз пожелав здоровья имениннику, пошли к выходу.

Когда я уже оделся, к нам подошли попрощаться. Жена в это время что-то обсуждала с хозяйкой на кухне (кажется, рецепт торта). Я как мог крепко жал руки мужчинам и что-то говорил женщинам. И тут ко мне подошла моя давняя знакомая и просто, как будто она это делала каждый день, слегка приобняв, нежно и не торопясь поцеловала меня в губы. Я только успел заметить увеличенные глаза одного солидного и авторитетного среди нас мужчины, который стоял ближе всех ко мне. Поймав руку моей Скарлетт, я не очень ловко прильнул к ней губами, а поняв это (то есть, что поцеловал не так, как следует), повторил поцелуй (опять неловко).

Это необычное проявление сочувствия ко мне, несчастному, моментально примирило меня с жизнью. Всё как-то сразу встало на свои места, меня уже ничего не тревожило, вдруг разомкнулся обруч скуки, стягивающий душу, исчезло чувство одиночества, обречённости и забвения, которое угнетает нас во время болезни и усиливается душевным беспокойством от осознания невозможности вписаться в окружающий мир.

Храни Бог нежных и чутких женщин, способных на поступки!

Маргарита

Конец марта. С утра – тихо. День обещает быть солнечным. Я иду на работу своей обычной дорогой, которая в середине пути проходит по изогнутому проулку позади Дворца Бракосочетаний. Огибаю Дворец, и – мне открывается лежащая на льду дороги женщина. Она лежит на спине, раскинув руки. Я подхожу к ней и вижу, что это совсем молоденькая девушка. Лицо спокойное с румянцем на полненьких щёчках. Глаза закрыты. Она в чёрной под кожу короткой куртке, застёгнутой на все пуговицы. Ноги в колготках телесного цвета, и одна из них, полусогнутая, склоняется над другой. Рядом лежит сумочка, а в полуметре, прямо посреди дороги, стоит недопитая бутылка вина. Я нагибаюсь над девушкой, трогаю её за плечо, и она тут же слегка приоткрывает свои глаза.

– Она хоть жива? – слышу за спиной голос женщины, проходящей мимо.

– Что с тобой? Ты сможешь подняться? – говорю я.

Девушка помогает мне поставить себя на ноги. Она стоит неуверенно, покачивается и продолжает держаться за меня, когда я, отпустив её, нагибаюсь подобрать сумочку.

– Ну, а бутылку оставим, – говорю я, помогая ещё не пришедшей в себя девушке повесить сумку на её плечо.

– Это моя бутылка! – вдруг совсем внятно произносит девушка свои первые слова.

– Хорошо. Раз она твоя, заберём её.

Я снова овладеваю сумкой. Она довольно большая, правильной четырёхугольной формы. Совсем тощая. Не застёгнута на молнию. Я вижу внутри небольшую кипу ученических тетрадей и отмечаю про себя, что они довольно сильно потёрты. Эти её тетрадки мгновенно пробуждают во мне воспоминания школьных лет, и такой поворот памяти как-то сблизил меня с этой девушкой, возникло ощущение, что у нас с ней есть что-то общее. Я аккуратно ставлю бутылку (а это была «Рябиновая настойка») в угол сумочки, подперев её тетрадками, чтобы она не свалилась на бок и не разлилась. Водрузив сумку на её плечо, беру девушку под руку, но она говорит:

– Лучше я буду за тебя держаться, – и крепко ухватывается за мой локоть.

– Скажи, куда тебя отвести.

– Не знаю.

– Ну, где тебя ждут?

– Меня никто нигде не ждёт.

– Но всё-таки. Ты куда-то шла?

– Здесь недалеко. Вон туда, в техникум, – она указывает на расположенное неподалёку большое серое здание прошлой, казарменной эпохи.

– Значит, там тебя ждут?

– Нет, там тоже меня никто не ждёт.

– Ты почему свалилась? Много выпила?

– Это не много. Это мало.

– Ты поскользнулась?

– Нет. Я, кажется, потеряла сознание. Я три дня не ела.

– Я дам тебе денег, сходи в кафе, поешь.

– Мне сейчас нужно в техникум. Дай мне закурить.

– Я не курю. И ты бросай.

– Я пыталась бросить. Надо бы бросить.

Мы уже подходим к техникуму, и она говорит:

– Зайдём в здание. Проводи меня. Мне нужно в туалет.

Я прохожу с ней под руку (она шла неровно) мимо двух удивлённо глядящих на нас девушек, сидящих за столом у входа, по-видимому, дежурных.

Мы выходим снова на улицу. Сбоку от крыльца толпится молчаливая стайка студентов. Мы останавливаемся по другую сторону от входа.

– Я обещал дать тебе денег. Вот возьми, – говорю я, вытаскивая из портмоне несколько купюр. – Как тебя зовут?

– Маргарита.

– О! Ты живёшь с *таким* именем! Марго, ты такая молодая и красивая, а губишь себя питьём и курением! Очнись! У тебя всё будет хорошо!

– Я постараюсь.

– Мне надо идти. Всего тебе! – говорю, пожав её руку выше локтя.

– Если что... заходи, – и она назвала номер своей группы.

Я поднял руку, делая знак прощания, и пошёл своей дорогой. Впрочем, тот путь, что прошёл я с девушкой, был тоже моей дорогой.

Канун пасхи

У меня такое ощущение, будто я и те, с кем я общаюсь, живут в одном мире, а все другие люди – в каком-то другом. Вроде бы они, эти другие, благополучно существуют, это угадывается по косвенным посылкам. Иногда они дают знать о себе через телевизор, газету, радио. Думаешь, ага! Вы всё-таки есть! Сейчас проверим! Посылаю по точному адресу запрос, задаю вопрос, но – увы! На самом деле оказывается, что это был призрак, а с призраками ведь можно общаться, только если сам перейдёшь в их мир.

Этот их мир – настоящая летающая тарелка: загадочный и недоступный. Письма и телефонные звонки здесь не достигают цели.

Можно ли жить без этого, другого мира? Конечно! Почти все люди так и живут. Но во мне сидит какой-то чёртик и зудит, зудит о том, другом мире, будто там, в нём, человек обретает большую степень свободы, становится могучим и счастливым одновременно. Но как туда проникнуть? Иногда мне кажется, что достучаться туда невозможно. Там, наверное, совсем другие законы природы, другое пространство и время. И вообще, где этот мир? Может быть, там люди сделаны из другой материи, например, менее плотной, и могут ходить сквозь нас, по нам, и получается интересно: куда же стучаться в таком случае? Но мне обязательно нужно туда! И я стучусь, стучусь...

Я послал и продолжаю посылать много запросов в разные стороны и на разные расстояния в надежде получить какой-то отклик. Мои письма заполняют почту от заброшенного уголка Сибири до могучего Вашингтона – от канцелярии президента США до почтового ящика одной сибирской горожанки, называвшей когда-то себя моим другом, но теперь оказавшейся в том, другом мире. Вырвется ли хотя бы одно из моих посланий за пределы *моего* белого света? Я надеюсь. Только нужно быть упорным и терпеливым и неутомимо повторять попытки. Ведь в природе есть примеры того, как для достижения намеченной цели делаются тысячи и даже миллионы проб. Можно предположить, что мои послания, как на пути с суши к морю новорожденных черепашек, перехватывает невидимое, но страшное чудовище по имени Забвение. Боже! Прости и спаси меня! Ты – милосерд, а я не всегда смиренен пред тобой...

Сейчас я испытываю древний способ прояснения души и мозгов – строго соблюдаю Великий пост, стараюсь быть полон доброты, откровенности, покаяния и прощения и – голодаю. Жду и жду подсказки с Неба, молюсь и утверждаюсь в вере. Иногда вижу интересные, удивительно юные, даже, я бы сказал, детские сны, в которых мои сегодняшние задушевные образы грезятся в картинах детства. А на утро и днём иногда как-то заходитесь и покалывает сердце, как бывает в юности, когда быстро растёшь. Может, Бог уже где-то близко...

Черёмуховые вечера

Ходят мрачные тучи или светит яркое солнце – это не оказывает заметного влияние на мою душу, ибо там свой мрак, свои тучи или своё сияние, подобное солнечному. Приходится только удивляться писателям, которые уделяют массу времени изображению природы в связи с состоянием человека. Я думаю, сам этот человек, переживая свои душевные движения, вряд ли вообще замечает, светит ли солнце или ходят по небу тучи, *пошли ли на прогулку деревья* в сильный ветер, и мелко ли дрожит осина. Вот музыка сильнее природы. Мы не можем не воспринимать её, даже пребывая в пучине своих бедствий. При этом музыка не только сопровождает наши переживания, она преобразует их. Когда я хочу просветлить свои страдания – я слушаю музыку. Некоторые вещи вызывают вибрацию, кажется, какой-то одной душевной струны, но от неё звучат все другие, что иногда приводит если не к облегчающим душу рыданиям, то просто к слезам.

Я думаю, что когда человек находится в спокойном состоянии, когда его не тревожит сильное чувство, тогда он может быть захвачен природой – картинами её непостижимой красоты и непостижимого смысла.

Вот прошли черёмуховые вечера с их прохладой и ожиданием чего-то неясного, какого-то колдовского действия. Теперь сразу после захода солнца вечера веют легким теплом после душного дня, сердце охватывает чувство умиротворённости, но в то же время и удивления от свершившегося чуда. Сказочные образы наполняют смыслом видимые картины. Каждый листок и даже сам воздух, кажется, живут в ощущении чего-то мужественного, сильного, но сдержанного, и чего-то женственного, нежного, загадочного и притягательного. Эти две ипостаси Божественного тоскуют друг о друге, и предвкушение их слияния возбуждает и наполняет смыслом всё сущее. Эти мгновенные ассоциации, возникающие раньше, чем можно успеть о них подумать, оживляют мир, без них он лишается своей духовности, и даже кажется, что они не возникают, а вообще присущи картинам бытия издревле, с начала мира. Так создана сама природа, это всегда так, но это становится ясно только в продолжительные вечера начала лета, может потому, что мы только что были свидетелями чуда превращения света в темь – эти впечатляющие картины предзакатных вечеров, когда время ощущается, и от этого становится тревожно. Как ни удивительно, но мы вскоре успокаиваемся оттого, что свет гаснет, и не придаём отягчающего значения наступающей тьме и, более того, как бы радуемся ей в порыве живительного осознания неизбежности какого-то очередного чуда.

Немного о счастье

Сегодня на работе меня сильно утомил компьютер. Усталый и грустный, иду домой. Чтобы развеяться, прийти в себя, я шагаю энергично и стараюсь голову держать высоко, но свободно, так, чтобы у неё была одинаковая возможность свеситься вперёд или отклониться назад. В этом случае плечи разворачиваются, а грудь расправляется, что очень благоприятно для дыхания, а ведь известно, что дыхание – основа жизни. При этом расправленная грудь, вместе с несколько поджатым от этого животом, держится на бёдрах подобно тому, как голова на плечах. А ноги при такой ходьбе с удовольствием держат положение центра тяжести человека на постоянном расстоянии от дороги. При этом ступни, прикасаясь к ней, пусть даже через подошвы ботинок, стараются ощутить её пальцами, которые, чувствуя себя распухшими в начале шага, в последний момент действуют слитно, отталкиваясь. А пятка в таком шаге лишь слегка соприкасается с дорогой, и это правильно, если вспомнить, что ведь все другие млекопитающие, кроме медведя, на пятку вообще не наступают.

Но – о чём это я? Да! Это я так иду, возвращаясь с работы, и мне, утомлённому, немного грустно. Но после получаса такой ходьбы я прихожу в себя. И первое, что меня окончательно оживляет – воспоминание о том, что дома меня ждёт история древнего Рима Эдварда Гиббона, которой я зачитываюсь последнее время поздними вечерами. История историей, но в ней есть и то, что мне больше всего нравится при чтении – неожиданные, неслыханные сочетания слов.

Последнее время я с удовольствием работаю, с удовольствием хожу по улицам, с удовольствием читаю. Но – перестал писать стихи! Мне даже не хочется думать о них. Потому что меня охватывает ощущение счастья! Бывают такие моменты в жизни, когда окружающий мир со всеми его мелочами становится вдруг значительным и осмысленным, нас охватывает ощущение тесной связи с ним и понимание целесообразности жизни! При этом мы не прислушиваемся к своим душевным движениям, а только наслаждаемся ими – нам жалко тратить время, чтобы изобразить их. И вроде бы ничего в жизни особенного не произошло! И в то же время, наверное, произошло! По-видимому, много мелких событий сошлись в редком сочетании, определяющим особое состояние души.

Но в такие моменты, когда говорят, *Бог прошёл мимо*, нужно быть осторожным. У счастья есть свои проблемы, потому что становишься беспечным, а это опасно, потому что беспечность может породить невнимание к окружающим и даже, может быть, к самому себе! Теряется бдительность, этакая умеренная настороженность и готовность совершать поступки. *Счастье – плохой наблюдательный пункт*, – предупреждает Фазиль Искандер. А вот что есть в книге Эдварда Гиббона об этом: *Душа, расслабившая от избытка счастья, не способна возвышаться до того великодушия, которое гнушается подозрениями и осмеливается прощать*. Как вам это нравится? Надо будет всё-таки постараться осторожно понаблюдать за собой, счастливым, и потом постараться поэтически изобразить тайны счастья. Эпиграфом к циклу таких стихов можно будет взять упомянутые слова великого историка.

Счастье-радость... Жизнь – захватывающая штука. Но каждый понимает счастье и радость по-своему, настолько разное, что это приводит к столкновениям и даже смерти. Трагедия жизни состоит в том, что люди ещё очень недолго живут на земле и не знают совершенно своего предназначения. У них слишком много свободы, и они не умеют с пользой её употребить. Интересно, что животные, у которых мозгов меньше, делают это более разумно. Человеку дано много свободы и мозгов, но свободы – больше! Поэтому человек – *болезнь Земли* (как заметил Бернанд Шоу). Самые гармоничные создания – это деревья. Они живут на Земле намного дольше людей и животных, потому так спокойны, а значит – счастливы.

Кажется, я пустился в размышление о сути счастья. А ведь это признак того, что оно скоро покинет мою душу, освобождая место для вдохновения, через которое людям открыва-

ются многие тайны жизни... но не причины и свойства счастья. Да, это так же трудно постичь, как и догадаться об истоках любви...

Гуляние по-семейному

Я в гостях у одной армянской семьи – внуку хозяина дома исполнился один год. Как всегда на празднествах у этого древнего народа, вечер состоит наполовину из застолья, наполовину из танцев. Застолье также разделяется по времени на две примерно равные части, много раз сменяющие друг друга, – тосты и разговоры.

Вот сын хозяина дома говорит тост за здоровье дедушки именинника:

– Я хочу выпить, чтобы всегда, когда мы собираемся здесь, в этом доме, ты встречал нас во главе вот такого стола, и чтобы радостным было твоё лицо. И чтобы все твои родные, которые здесь и все, которые далеко отсюда в разных местах, чтобы все-все они жили радостно и благополучно, и чтобы мир был на земле. Я не буду говорить за каждого и называть по имени всех твоих родных. Это заняло бы много времени по их количеству, к тому же я могу кого-то пропустить, а это было бы неприлично.

Глава семьи поднимает бокал за гостей.

– Выпьем за то, чтобы у вас было здоровье – у вас, ваших детей, ваших внуков и всех ваших родственников здесь и во всех других местах, где они живут. Вы нам как родные. Мы хотим, чтобы у вас всё было хорошо, тогда и нам будет хорошо. Я хочу выпить за ваше здоровье!

Слушая тосты, я гляжу на ораторов, но и на стол. Он заставлен необычно. Содержимое тарелок интересно, но моё внимание привлекает архитектура сервировки: она двухэтажная. На плотно заставленный первый уровень помещено ещё много тарелок с закусками. Повидимому, это остроумное техническое решение вызвано желанием разместиться за сравнительно небольшим столом в одной половине комнаты, оставив другую для танцев. Но не одни проблемы пространства вывели хозяев на идею этажности сервировки. Как я вскоре сообразил, этой конструктивной мыслью руководило стремление поставить на стол в начале пирушки сразу все блюда – холодные и горячие. А ведь это можно одобрить сразу с нескольких точек зрения. Во-первых, обеспечивается свобода выбора. Каждый сам себе устанавливает последовательность и сочетание блюд и закусок. Во-вторых, что не маловажно, хозяйка, поставив перед гостями всё, что она приготовила, может спокойно сидеть, участвуя во всех делах застолья.

Что касается самих яств, то перечислю лишь то, чем я увлекался: долма (маленькие голубцы, но в виноградных листьях), шашлык, красная рыба, оливки. Спиртное у армян однообразно. Они всем якобы элитным напиткам предпочитают свою чачу. Эту чачу сделал сам хозяин, но не из туту, тогда это была бы тутовка или караунж, настоящий эликсир здоровья, а я не знаю из чего, потому что глава семьи уклонился от ответа. Он дал ей имя «Бомба», вероятно, потому что она хотя и *мягкая* на вкус, но крепче русской водки.

– Она такая же, как караунж, от неё плохо не бывает! – сказал он, предлагая мне этот оригинальный напиток.

Чача имела особый тонкий запах, и, правда, от неё *не было плохо*.

Разговоры между тостами ведутся немного вокруг закусок, но большей частью затрагиваются глобальные вопросы, связанные, в основном, с судьбой Армении.

– Я слышал, Армения отдаёт несколько неработающих заводов за свои долги России. – Никаких долгов нет. Это переходит к России, чтобы она укрепляла Армению. Армения всегда была за спиной России, и впредь будет. – Алиев не хочет воевать, а армяне не хотят брать Баку. – Польша процветает, потому что ихний папа в Риме. – Нет, потому что Польша находится на торговых путях. – Каких великих армянских поэтов вы знаете? – Саят-Нова. – Нет, Саят-Нова больше грузинский поэт. Лучший поэт Армении, поэт-мыслитель, это Абовян. А у вас кто великий поэт? – У нас Пушкин. – Как Пушкин может быть великим, если он плохо

говорил об армянах? – Пушкин иногда высокомерен, и я не одобряю это. Но не помню, чтобы он унижал армян.

Танцы под магнитофон. Хорошая восточная музыка, армянская, в основном.

Надо заметить, что независимо от часа начала праздника, гуляние в армянских семьях продолжается далеко за полночь. Причём, к моему удивлению, в этом продолжительном веселье участвуют все поколения от мала до велика. Детей не гонят спать, они танцуют во всю, до упаду. Правда, в прямом смысле *до упаду* наблюдалось только у самого маленького. А самый маленький был годовалый именинник, который, танцуя, конечно, на руках (у бабушки), заснул незадолго до полуночи. Другие дети – шестилетний внук хозяина и двенадцатилетняя внучка, держались бодро до конца. Танцуют искусно, разнообразно и исключительно восточные танцы. Я с удовольствием наблюдал за девочкой, прелестной в своей восточной красоте. Мне особенно нравилось, когда она, импровизируя, пускала своё тело волной.

Прощаться подошли всей семьёй. Каждый произносил что-нибудь приятное.

Рецидивист

В майские праздники ехал я из Новосибирска в Анжеро-Судженск проведать родных. Билет был взят за три дня до отъезда, однако, мне досталось одно из худших мест – верхнее в последнем отсеке плацкартного вагона. Когда я прошёл к своему месту, там сидели уже парень и девушка, не знакомые между собой, как я позже заметил. И вот перед самым отходом поезда в проходе вагона появился мужчина, при виде которого меня охватило некоторое беспокойство. Уже по тому, как он шагал и держал себя, как смотрел, было видно: нормальная размеренная дорожная обстановка будет нарушена, как нарушается спокойная повседневность стихийным бедствием – буйным вихрем или гремящим потоком, обещающим наводнение или потоп. Он был выше среднего роста, широк в кости, мускулист. Его тело увенчивалось большой лысой головой. На темени чётко вырисовывался свежий неровный шрам длиной несколько сантиметров, из которого сочилась кровь. Я заметил эту голову со шрамом ещё при посадке – в конце группы пассажиров, толпящихся у входа. Я тогда пожелал себе не попасть с этим рецидивистом, как я про себя окрестил его, в один отсек вагона.

– Тридцать шестое уже! А где же тридцать восьмое? О, мама мия, рядом с туалетом! – начал он ещё на подходе. Да, он начал говорить, чтобы уже не смолкнуть ни на минуту. В руке он держал открытую бутылку пива. Бросив свою небольшую сумку возле лавки, он уселся напротив меня, рядом с девушкой. Его грубоватое лицо украшали большие серые глаза, взгляд был открытый и прямой, но не навязчивый.

– Будем знакомиться. Владимир. Наталья? Не люблю это имя! У меня от Наташ одни неприятности! Вот видишь шрам у меня на голове? Позавчера я был в гостях у одной Натальи. Когда выходил, меня встретили трое. Я испугался и с испугу – да-да! с испугу! Так бывает! – головой выбил одному все зубы, другого свалил кулаком, и, совсем испугавшись, убежал от них. Куда ты едешь? В Мариинск? О, Мариинск я хорошо знаю! Я там был. Как же! Знаменитая Мариинская тюрьма. Два года. Тоже из-за Наташки. Другой Наташки. Пришлось из-за неё одному ухарю челюсть сломать. У меня было много Наташек! Мама мия, ох и накурлесил я в своей жизни! – и проговорил-пропел, понизив голос:

*Господи, поми-и-илуй! Прости меня грешного!
За дурь потешную, за злость поспешную,
За любовь страстную, за жизнь несуразную,
За веру трудную, за молитву нудную!*

– Какая пташка пролетела! (о проходившей мимо девушке, направлявшейся в туалет) Какая упругая грудь! А у тебя, Наталья, какая грудь? (Пытается отстранить её руки, сложенные на груди) Неприлично? Вижу, вижу, у тебя тоже хорошая грудь. Вот приедешь к маме, вырядишься и – все парни будут у твоих ног. Надень юбку покороче: ножки-то у тебя, вижу, стройненькие! Ты вообще, Наталья, девушка гарная. (Далее речитативом)

*Я приду к тебе однажды,
Я уже к тебе лечу!
От огня любовной жажды,
Сам, сгорая, излечу!*

Дай я на ушко что тебе скажу. (Говорит ей что-то на ухо, прикрывшись от нас широкой ладонью. Девушка, хохочув, улыбается). Никому не говори, что я тебе сказал!

– Там купе, как выйдешь – налево, стало свободное? *(это он девушке, вышедшей из туалета)*.

– Сколько лет тебе, Наталья? Девятнадцать? Студентка? Едешь к маме поесть картошки и попить молочка! Да? Угадал? Я тоже отъедался у мамы, когда учился. Прекрасное время – учёба! Я занимался тогда спортом. Слышали, как подставили нас на Олимпийских играх? Мой друг биатлонист был там, рассказывал...

Так он, отпивая из бутылки, будоражил нас, делая перерыв только тогда, когда выходил в тамбур покурить. Когда я, устав от него, полез на верхнюю полку и сказал что-то по этому поводу, он не преминул и здесь сделать своё замечание: «Какой у вас приятный, бархатный голос!».

В середине моего пути он, заметив, что сидящую на боковом месте за столиком девушку (Галья, тоже студентка) клонит ко сну, предложил ей полку, на которой он сидел с Наташей.

– Наталья, пусть она отдохнёт, она такая уставшая! А мы с тобой пересядем на её место.

Всё так и произошло. Всю дальнейшую дорогу он сидел на боковой полке – или напротив Наташи, или примостившись ненадолго рядом с ней. Он продолжал обсуждать её красоту и её возможных женихов или пускался в описание своих приключений. При этом он украшал речь нецензурными словами-одиночками, которые как-то лишь мелькали, не выпячиваясь, так что вроде бы и не было повода обрывать его за это. Крепкие выражения очень удачно вписывались в общий рисунок рассказа и быстро заслонялись образами последующей речи, текущей неотвратимо, как бурный поток. Девушка, кажется, не обращала внимания на его «словечки», которые странным образом только обостряли, поперчивали его речь. Она порой отвечала ему короткими фразами, сопровождавшимися весёлым, иногда даже счастливым смехом.

После одной остановки, на которой наш герой выходил купить бутылку пива, к нему подошла проводница и энергично бросила:

– Я тебе шлёпну, так шлёпну! Сейчас вызову милиционера! – добавила она, удаляясь.

– Это я, дурак, задел её по попе, когда поднимался в вагон. Но – пойду, извинюсь.

Возвратившись, проговорил:

– Надо же! Я ей: «Извиняюсь!», а она: «Хочешь, я дам тебе свой красноярский адрес?»

Ну что ты будешь делать с этими бабами!

Мы с ним выходили на одной станции. Прощаясь, он, после некоторого колебания, поцеловал спящую Галю, проговорив: «Пусть она увидит во сне, что я к ней пришёл», и Наташу, которой раньше этого дал свой новосибирский телефон «на случай, если тебе нужна будет какая-либо помощь».

Я шёл на выход вслед за ним. Ещё на ступеньках вагона, он, глядя на перрон, сказал негромко:

– А вот и Орловские! Уже меня встречают!

Сойдя, он медленно направился к двум дюжим мужчинам, стоящим поодаль, которые, однако, увидев его, не сдвинулись с места, в чём я усмотрел злой смысл. Дальнейшим моим наблюдениям помешала густая толпа пассажиров, покидающих вагон и спешащих в него на короткой остановке поезда у станции Анжерская.

«Омоновец»

9 мая утром ехал я с женой на дачу пригородным поездом. Народу было не густо, так что много мест пустовало. Поезд уже тронулся, когда в вагоне появился высокий человек в камуфляжной одежде с большой чёрной собакой на поводке. Он прошёл мимо нас в середину вагона.

– Папаша, ты что разлѣгся? Ну-ка, давай! двигайся, двигайся! Развалился! Ты не дома находишься! – услышал я грубый голос за своей спиной.

– Мог бы повежливей! В такой день тревожишь старика!

– Это я с тобой вежливо разговариваю, а невежливость мою ты увидишь, если будешь вести себя здесь по-домашнему!

Меня неприятно тронул этот диалог. Я удивился грубости и нетактичности – свободных мест было много, и можно было не беспокоить уставшего пожилого человека. Я оглянулся. И невольно залюбовался видом грубияна. Вошедший был похож на одного из моих соседей по даче, такой же высокий, или лучше сказать – большой. Хорошо сложенный, он даже сидя казался стройным. Лицо типично русское, но не смазливое, как у Иванушки-дурачка, а мужественное, каким мы представляем себе Александра Невского, только, пожалуй, более скуластое. Этот человек был сероглаз, чисто выбрит и украшен широкими усами во всю длину рта. Волосы, казалось, были немного с рыжинкой.

Упомянутый мой сосед по даче представлялся мне бывшим омоновцем, и в это вполне можно было поверить, глядя на его бравую выправку. Вошедший тоже был очень похож на омоновца. Так и будем его называть далее тем более, что одет он был в маскировочную одежду.

Когда была объявлена первая остановка, пожилой человек, сосед «омоновца», воскликнул: «Так я же не в ту сторону еду!», – и заторопился к выходу, вызвав у своего обидчика добродушный смех, поддержанный окружающими.

Оглянувшись ещё раз, я увидел, что «омоновец» держал в правой руке бутылку водки и что-то говорил сидящему напротив него мужчине. Затем встал и громко спросил, нет ли у кого стакана. Стакана ни у кого не оказалось. Я подумал, что он мог бы спросить не стакан, а, например, чайную чашку. У него было бы тогда больше шансов заполучить ёмкость для известной цели, так как стакан теперь становится большой редкостью. Но затем я догадался, что он не мог спросить «чайную чашку», потому что сегодня День Победы, и нужно пить водку именно из стакана, из гранёного стакана, как пили наши отцы и деды, переживая жестокую войну и не менее жестокую мирную жизнь. С этого момента я стал иначе относиться к моему «омоновцу». Я даже подумал, что он не так уж и грубо спорил из-за места; да и занять его он хотел, наверное, потому, что предпочитал сидеть именно здесь. Я и сам стараюсь всегда занять в вагоне одно и то же, своё излюбленное место в четвёртом отсеке с краю.

Между тем, в отсеке, где находился «омоновец», стало на двух мужчин больше. За неимением тары, стали пить за Победу прямо из горлышка. Бутылка пошла по кругу. В левой руке «омоновец» держал бутерброд – скибка хлеба с двойным слоем сервелатной колбасы. Празднование Дня Победы происходило не очень далеко от меня, но так как мужской разговор о военных делах, как и положено, вѣлся спокойными, негромкими голосами, я плохо разбирал содержание беседы. Доносились только отдельные фразы. Говорил в основном хозяин отсека. Иногда все вместе, кроме, кажется, самого рассказчика, смеялись.

Бутылка быстро была опустошена. Моя жена, сидевшая лицом к этой компании, обратила моё внимание на то, что бутерброд, который демонстрировала левая рука «омоновца», остался нетронутым. «Это чисто по-русски, пить, не закусывая!» – добавила она с добродушной усмешкой.

Когда разговор за моей спиной заглох, я оглянулся и увидел финальную сцену празднования. Посторонние мужчины ушли. «Омоновец» сидел у окна, обратившись лицом к своей собаке, и скармливал ей тот самый бутерброд. Он разломил его на две части, чтобы собаке было удобно справиться с угощением, и сунул их по очереди в её пасть. Я залюбовался видом ухоженного животного с блестящей чёрной шерстью, льющейся короткими локонами. Может быть, с самого начала бутерброд предназначался этой симпатичной дворняжке? – подумал я. Но засомневался из-за сервелата.

Путешествие по графику

Был один из ясных майских дней. Электричка двигалась навстречу восходящему солнцу, чтобы вывезти утомлённых долгой зимой новосибирцев на их только что оттаявшие дачи.

Грузный выдавший виды мужчина в серой заношенной одежде медленно двигался по проходу. Он был весь какой-то обмякший и держался как будто на ватных ногах. Человек останавливался в начале каждого отсека вагона, хватываясь за поручни на спинке сидений и, наваливаясь на них, монотонным голосом негромко проговаривал:

– Тогучин-Горный, путешествую по графику. Не найдётся ли у кого мелочь? – не хватает попить-поесть.

Народ посмеивался странному сочетанию слов. Послышалось: *У него график, видите ли!* и *Посмотрите-ка, путешествует!* Денег никто не давал. Человеку такое отношение людей к своей персоне было, кажется, привычным. Он как будто и ничего не ждал от окружающих, обращая взгляд только вперёд. Он был всей душой в путешествии, люди были ему не нужны. Но ему нужны были деньги, и, останавливая своё движение вперёд, человек повторял:

– Тогучин-Горный, путешествую по графику. Не найдётся ли у кого мелочь? – не хватает попить-поесть.

Когда путешественник покинул наш вагон, в него вошёл высокий интеллигентного вида человек средних лет. Он остановился посередине вагона и, подняв над головой книгу, заговорил, обращаясь к пассажирам:

– Что вы делаете, когда у вас болит голова, или когда болит желудок, печень? Или когда у вас изжога? Глогаете таблетки! Но хорошо известно, какого они сейчас качества. Таблетки только обострят ваши недуги. Вот книга, в которой вы найдёте лекарства от любых болезней! Никакой химии! Только природные средства помогут вам! Предисловие к этой книги написал академик из Санкт-Петербурга. Это – благодарственное письмо за излечение травами застаревшей болезни печени. Раньше эту книгу продавали в магазинах за 180 рублей. Теперь она предлагается вам за 100!

Вошедший продолжал настаивать на необходимости лечиться дарами природы. Народ безмолвствовал. Он, народ, оставался настроенным легкомысленно по отношению к своим недугам, предпочитая, по-видимому, обострение их сочетать с возможностью попить-поесть, а то и попутешествовать. Да и сам этот человек с лечебной книгой, подумал я, ведь он обходит вагоны не с целью сделать людей более здоровыми, чем они есть, а в надежде добыть средства на *своё* путешествие. Потому что каждому очень хочется достичь *свой* Тогучин-Горный.

Да, все мы путешественники, все куда-то стремимся. Что до меня, то не собираю ли я *мелочь*, чтобы через год-два добраться до своего Тогучина-Горного? Я мечтаю увидеть Крым. Мне нужно обязательно побывать в Севастополе, городе русской славы. И теперь, когда я думаю об этом, в голове звучит странное сочетание слов:

– Тогучин-Горный, путешествую по графику. Не найдётся ли у кого мелочь? – не хватает попить-поесть.

Яблоко

Мы познакомились в поезде.

Когда она вошла в купе, я почувствовал стеснение в груди. Урождаются же такие особы, которые раздражают своей неотразимостью – ведь вовсе не хочется зазря страдать, переживая их женственность в осознании невозможности тотчас же заключить в объятия! И возникает готовность при случае наругать им. Я старался не смотреть на вошедшую, удерживая взгляд на окне вагона, будто меня и вправду мог увлечь вид бескрайней однообразной равнины, которую мы пересекали. Впрочем, эта несносная персона вскоре забралась на верхнюю полку, и мне была видна только её рука, держащая книгу, которую она стала читать лёжа.

Вскоре я успокоился и, сказав себе: Бог с ней! Пускай себе живёт! – стал готовить постель, чтобы тоже лечь. Наверное, поднялась пыль, потому что я чихнул.

– Будьте здоровы! – послышалось с верхней полки.

– Спасибо. Когда я расстилаю постель в вагоне, всегда чихаю.

– Это, наверное, пыль, – продолжила она.

– Да, может быть...

Я не продолжил неожиданно завязавшийся диалог, посчитав, что и так слишком разговорился. Но мне вдруг стало приятно, что она заговорила со мной, и я умиротворённо прилёг на полку.

Когда мне надоело лежать, я встал, сходил умыться и достал пакет со свежими яблочками, что дали мне в дорогу заботящиеся обо мне женщины. Предмет моего невольного внимания всё также читала лёжа.

– Угощайтесь! – произнёс я, поднимая к ней раскрытый пакет. Она подняла голову, бросила на меня короткий взгляд, затем достала яблоко и, поблагодарив, опять улеглась и стала читать.

Женщина откусывала от яблока и, не торопясь, как бы в ритме восприятия прочитанного, неровно похрумкивала. Что может быть чудесней чистого, летящего будто в небо звука, с которым откальвается кусочек яблока в женских устах! Когда я увидел, что она съела фрукт, я предложил ей другой и опять стал прислушиваться к каждому откусыванию и следующему за ним раздумчивому хрусту.

От третьего она отказалась.

Вскоре я почувствовал, что мой разум стал бодрым и ясным, а сердце всколыхнулось жаждой сиюминутной жизни. Я вступил в разговор с попутчиком, при этом сыпал шутками и остротами. Я выдал даже пришедшиеся кстати несколько анекдотов, к рассказыванию которых я обычно не расположен. Девушка сверху стала поглядывать на меня, иногда смеялась моим словесным выходкам. Вот она уже опустилась с полки. Сходила за кипятком и уселась рядом со мной за столиком. Разговор, кроме прочего, зашёл о тонкой человеческой материи, относящейся к психике, и тут оказалось, что наша попутчица психолог. И когда она произнесла:

– Здоровье человека зависит от его психического состояния. Человек будет болеть, пока думает, что он не состоялся, – я удивился такой интересной мысли и поторопился сказать:

– Да-да! Судя, например, по моей жизни, так оно и есть! Я в молодости и много позже чувствовал себя в жизни не у дел, был как-то сбоку жизни, терялся в ней и – часто болел. Я даже на курортах лечился! Но вот многие годы не обращаюсь к врачам. И теперь я знаю, с каких это пор: с тех пор, как я нашёл себя в жизни...

И тут же оговорился, что жизнь непредсказуемая штука и, возможно, у меня будут ещё проблемы с психикой. И спросил попутчицу, можно ли будет обратиться тогда к ней за помо-

щью. Она сказала «да», и спросила, есть ли у меня компьютер, чтобы обменяться адресами электронной почты.

Мне нужно было уж выходить.

– Мы спишемся. Я буду дома через две недели, – произнесла она, когда мы прощались.

Наша переписка продолжалась недолго. Девушка оказалась фанатичным приверженцем какой-то псевдорелигиозной веры, и перестала общаться со мной, когда я не выразил желания поддержать её в этом странном увлечении.

Криминальный случай

Электричка только что отошла от Главного вокзала, когда в тамбуре, позади меня, а я сидел в третьем отсеке от дверей, послышался крик: девичий голос истерично звал о помощи. Двое парней, сидящих далее меня через отсек, встали и поспешили к тамбуру. Крики прекратились, а парни вернулись на свои места.

Минуты через две мимо меня из тамбура быстро прошагал долговязый молодой человек, сопровождаемый небольшого роста крепышом. Подойдя к обидчикам, как он считал, и негромко проговорив: «Вы хотите приключений?», он схватил одного из парней левой рукой за *грудки*, а его правая рука, бывшая до этого момента в кармане брюк, взметнулась вверх с пистолетом довольно внушительных размеров.

Подвергшийся нападению, быстро встал и ухватил рукой запястье долговязого, отводя ствол к потолку вагона. И тут же раздался выстрел. Мне показалось, что курок нажал нападавший, потому что парень, боровшийся с ним, не доставал до пистолета.

Дальше всё происходило, как в ускоренной съёмке. Двое парней несколько секунд возились с долговязым, стараясь вырвать у него оружие. Им бы это удалось, но тот успел передать пистолет крепышу, стоящему неподалёку от меня. Увидев вооружённую руку рядом с собой, я быстро встал и, схватив, пригнул её вниз, выкручивая. Но крепыш, взял пистолет свободной рукой и бросил его долговязому, который оказался уже у тамбура. Я отпустил безоружного крепыша. Нападавшие поспешили скрыться. Здесь как раз случилась остановка, и парочка начинающих преступников прошла мимо окон вагона.

Когда всё кончилось, некоторые пассажиры начали покашливать и по вагону пошло шевеление. Я почувствовал жжение в глазах. Значит, пистолет был заряжен слезоточивым газом! Через несколько минут люди стали покидать вагон, направляясь в сторону, противоположную той, откуда произошло нападение. Я был частью толпы и подчинился её инстинкту безопасности, ведшему людей в сторону от угрозы.

Вечернее, или О бедах

Я плачу в беде...

Но что стоят наши переживания перед величием жизни?

А величие жизни не только в счастье, беды тоже часть её.

Если жизнь – это свойство материи, то есть жизнь не случайна, то нужно поразмыслить, а что было угодно Богу? Для чего Бог делает так, что вдруг приходит беда? Может быть, Он одаряет нас чувством безысходности, чтобы предупредить о чём-то? А может Бог делает это, чтобы уравновесить счастье? Мы были счастливы, так поживём немного в беде! Это, кроме прочего, и шанс по-настоящему оценить наше (бывшее) счастье. И чувство безысходности, беды, это ведь прекрасная возможность поразмыслить о будущем и повернуться к нему.

Беда приходит к нам, чтобы мы решительнее искали пути, на которых она разрешается счастьем. Это момент, когда Бог даёт нам возможность проявить волю: нужно решить – остаться *при своих* или научиться жить по-другому. Возможно, беды приходят, когда мы упускаем момент решения. Теперь Бог подсказывает: «Приехали!» Уже приехали к берегу реки. Конечно, можно остаться на этом берегу, сесть, поджав ноги, обхватить колени руками и в этом комке переживать горе. Но можно прыгнуть в реку, и оказаться на другом берегу. А на другом берегу (где нас нет), возможно, и вправду трава зеленее, солнце ласковей, а луна ярче!..

На самом деле счастливый человек тот, кого Бог наделил свойством наслаждаться и радостями, и бедами. Наслаждаться со спокойствием и тем и другим. Спокойствие – это мудрость. Мудрый человек не смеётся в счастье (памятуя о бедах) и не плачет в беде (вспоминая о счастье).

Но я смеюсь в счастье и плачу в беде.

Сейчас я плачу.

Фотография на память

Раза два он просил у неё фотографию на память. Но это было давно, может, год назад. Наш герой уже не ждал дорогого для него сувенира, когда она при одной их встрече вдруг вытащила из сумочки два снимка и подала ему.

– Что это? – воскликнул он.

– Вы же просили!

Взяв в руки фотографии, он прежде всего повернул их обратной стороной, чтобы прочесть слова *На память* и ещё, может, что-то. Но там, кроме теневого слова *Кодак* ничего больше не было. Он коротко взглянул на неё, но ничего не сказал. Она *так* хочет. Пусть так и будет.

Став смотреть снимки, он поразился незнакомым обликом своего кумира. На него смотрела спокойная в своём счастье молодая женщина, полная, по-видимому, любви к своему любящему её мужу, с которым она живёт ещё всего ничего, второй год.

– Кто снимал? – спросил наш герой.

– Муж.

Да, так оно и есть. Это под его взором она играет неизвестными доселе ему красками.

– Ты на этих снимках не похожа на себя, я тебя такой не знаю, я тебя почти не узнаю!

– Это плохо?

– Мне хотелось получить копию *твоего* образа, с которым я встречаюсь. – Он взглянул в неё. – Вот такую, как ты сейчас. Но пусть ты будешь в моей памяти одной, а на фотографиях – другой, незнакомой мне, для разнообразия. У тебя здесь волосы подвиты? – спросил наш герой, стараясь разобраться, что создаёт впечатление новизны её облика.

– Да, – ответила она.

Придя домой, он долго рассматривал снимки, стараясь понять, почему на фотографиях она почти неузнаваема. Как сильно ощущение счастья может изменить черты лица! Что же оно изменяет? Разглядывая её, как незнакомку (это удавалось из-за и впрямь *чужого* для него лица), он заметил, что *эта* женщина какая-то вся мягкая и круглая. Мягкая и круглая в том смысле, в каком понимал эти слова Лев Толстой. Они подразумевают наличие в человеке таких качеств, как спокойствие, уверенность, законченность, определённая, исключая сомнения и *поиски себя*. Человек уже состоялся. Но наш герой удивился, когда заметил, что все черты лица у этой женщины на снимке округлены! Вот почему она казалась другой, неузнаваемой! Её глаза были без уголков, которые всегда заметны у той другой, с которой он встречается, удлиняя её сирень во взгляде. Губы незнакомки были короче, немного распутившись в бантик. Но самое главное – заострённый и вовсе не короткий нос его кумира здесь был курносый! Завершала впечатление округлости причёска – её длинные чуть волнистые волосы у этой незнакомки на фотографии были круто подвиты, образуя почти завершённые круги.

Впечатление мягкости, округлости усиливалось от присутствия на одной из фотографий кошки, которую незнакомка крепко, но в то же время очень осторожно и ласково обнимала, как обнимают ребёночка. Кошка таращила свои круглые-круглые глаза на своей круглой же мордочке.

Но это было ещё не всё. Впечатление спокойствия, уюта, впечатление округлости создавала одежда – толстый мягкий свитер с широким кольцом ворота, к которому она нежно припадала головой, и обстановка комнаты – мягкий диван на одном снимке и обои под вид обогревателя русской печи с частично обнажёнными красными кирпичами, символом тепла и уюта, – на другом.

«Цель женщины – исполнить своё предназначение на Земле», – вспомнил наш герой слова своего кумира, сказанные в их разговорах о возвышенной любви. Кажется, её предназначение скоро реализуется. Если так, он рад за неё.

Он снова и снова рассматривал подаренные ему фотографии. Нет, он не знает её такой, при нём она другая. Её облик и поведение определяет не спокойствие и счастье, а сдержанность и сострадание. Она живёт не своими интересами, или – не только своими интересами. Она как будто знает всё про других. И это не приводит её в восторг. Наш герой *помнит* её именно такой. Поэтому на фотографиях той, которую он не знал, нельзя было написать *на память*. «Наверное, она сама это чувствовала, поэтому и не подписала», – утешал себя наш герой.

Он поверит, что она может быть другой, пока своими глазами не увидит её *круглую*. В Толстовском смысле... или просто в смысле продолжения рода человеческого.

Тайное тайн моих

*Тайное тайн моих – о вас мысли тайные.
Из книги «Тысяча и одна ночь»*

В рассказе речь пойдёт о влюблённости. Вот что говорят о ней известные всему миру личности:

Влюблённость – *Болезнь любви в душе моей* (поэт Пушкин).

Влюблённый – *что больной. Не будем судить его строго, если иногда его речи безрассудны, как бред одержимого* (философ Спиноза).

Болезнь, больной – скажем, не очень приятные определения. Но так ли это? Конечно, влюблённость – это особое и не лёгкое чувство. Нужно иметь достаточно мужества, чтобы переживать его. Но, сразу скажем, результат окупается с лихвой, человек выходит из этой «болезни» более здоровым и более мудрым.

Проследим за чувствами и мыслями влюблённого. Вот возможный его монолог:

Любовь – загадочная штука. Вдруг чувствуешь, что это *она*, потому что в душе появляется бальзам, в уме строй, в теле энергия. А когда представляешь приближение к её устам, становится жутко, как от приближения смерча. И пусть говорят тебе, что она эгоистка, что она расчётлива и высокомерна. Ты не веришь этому, а чтобы прекратить разговор с человеком, который, видимо, никогда не был влюблён, отвечаешь:

– Ну и что! Ведь это – богиня, ей всё позволено, она может быть всякой, как сам Бог.

И молишься на неё и боготворишь. И так хочется упасть к её ногам, обнять колени и может быть прикоснуться к ним губами. Но это уж слишком, ибо это всё равно, что прикосновение к Богу, то есть к яркому огню, который ослепит и сожжёт! Конечно, твоя богиня может просто грубо пнуть невольного наглеца. Но он даже этот жест примет с благоговением и радостью, потому что это хоть какой-то контакт с любимой. Пинки и пощёчины его не оттолкнут и не облагоразумят.

Такое состояние может продолжаться несколько лет и переживаться, говорят, лишь один раз в жизни. Но я точно знаю, что это может повториться. Через большой перерыв, но так похоже! Считаешь, что *она* непостижимо прекрасна и обликом, и душой, и ты поклоняешься ей, не задумываясь глубоко над смыслом её слов и поступков, а наслаждаясь и пугаясь только воображаемыми картинками. Она не замечает твоих страданий? Она не ценит твою преданность? Не беда! Тебя не расхолаживает не только то, что она обходит тебя вниманием и вовсе не страдает твоим мукам, но и прямое пренебрежение тобой. Всё скрашивает сладость грёз, в которых витает её образ, точнее её лицо. Спокойное, божественное, только от представления которого тебя охватывает необъяснимая и неопишуемая радость, мир становится гармоничным, а жизнь осмысленной. И в этом видении с особой силой светят глаза, но и сияют губы! И тебя охватывает сладкая тревога, тревога, которая, однако, наполняет всего тебя энергией. Хочется жить, действовать, мысли охватывают весь мир, а на душе *прояснение, просветление*. И странно – кажется, что другие люди (и незнакомые тебе) живут и действуют под знаком памяти и думах, и чувствах о *ней*, то есть, потому что *она* – есть, потому что *она* с ними живёт на Земле! Понятным становится ощущение гармонии во всём, поскольку источник движения, жизни – один.

Обратим внимание на последние строки этого необычного монолога, на слова *прояснение, просветление* и далее за ними. Влюблённому представляется, что весь мир живёт

и действует с памятью о некоей личности, запустившей наш мир жить по законам гармонии. Не кажется ли вам, что в этом есть божественный смысл, есть осознание того, что жизнь на земле запущена энергией некоторого жизнеутверждающего начала. Проще всего назвать его Богом. Вот вам и объяснение, почему влюблённые называют свой объект внимания богиней! Я думаю, что само состояние влюблённости даётся человеку по воле Бога. Бог, приводя нас в состояние просветления и прозрения, хочет вразумить нас и напомнить нам о Себе!

Вот такое просветление, наполняющее нас счастьем осознания тайн мира, имеет в виду влюблённый, когда говорит: «Потрясённый чувством любви, не говоришь – теперь не страшно жить, а говоришь – теперь не страшно умереть!» Потому что человек, можно сказать, уже познал всё, ему уже открылись тайны всего сущего, а мудрым ведь смерть не страшна. Самыми пронзительными словами о влюблённости могут быть такие: *Я живу, чтобы коснуться тебя, взлететь в небеса и умереть...*

P.S.

Содержание рассказа касается именно понятия *влюблённости*, в которой ответные чувства вовсе не обязательны, как показал и Петрарка. В любовных чувствах, относящихся к *страсть-любви*, это не так. Здесь невостребованность наших чувств ведёт к тому, что они терзают нас все больше и больше. Это не может продолжаться долго, и вскоре чувства угасают... или переключаются на другую личность.

Гармония

Недавно я испытал чудесное переживание, которое унесло меня от забот и тяжести повседневности в мир прекрасного, в тот мир, в миг перехода в который хочется сказать: *Мгновение, остановись!* Я слушал музыку, и вдруг одна пьеса показалась мне совершенной, гармоничной, искусной до такой степени, которой, казалось, не достигало ничто из созданий человеческого гения, как будто это было созданием небес. Мне казалось, что я не только присутствую при каком-то таинстве, не только наблюдаю его, но и проникаю в самую тайну, так что становится понятен и смысл происходящего, и все его причины и следствия. Вдруг я почувствовал огромное душевное облегчение от того, что мне посчастливилось соприкоснуться с высочайшей гармонией, облегчение, которое возникает в редкие минуты потрясений бесконечно прекрасным, когда суета жизни кажется ничтожной, недостойной человека, а от счастья непознанных ещё переживаний, которых, кажется, только и не доставало для полного познания жизни, и умереть не страшно. Возникает состояние душевного полёта, всепроникновения, и в то же время тебя охватывает чувство высокого спокойствия, в котором, говорят, постоянно пребывают только мудрецы.

То, что я пережил – трудно описать. Может, этот мой опус останется непонятым. Но с чем его можно сравнить? Мне кажется, подобные переживания иногда испытываешь после счастливых любовных свиданий.

Когда я бываю переполнен делами и заботами дня и становится дико от бессмысленности суеты, я слушаю эту музыку, чтобы прийти в себя (или уйти от себя?), успокоиться и немного «полетать». Иногда я слушаю её, оценивая с технической точки зрения, стараясь уловить каждый звук, чтобы оценить его уместность и поразиться, и насладиться его безошибочностью. И, раздумывая о ритмах своей будущей художественной прозы, стараюсь запомнить чудодейственные музыкальные ритмы и повороты, вызывающие глубокие переживания и уносящие душу в небеса, чтобы попытаться подобное вызвать словом.

Кактусы

Никогда в жизни я не занимался цветами, но с некоторых пор по пути с работы я стал замедлять свой шаг в проходе метро, где выставлены для продажи молодые кактусы. Я часто посматривал на них, а затем стал останавливаться у витрины, чтобы полюбоваться этими произведениями абстрактного искусства самой природы.

Каждый раз эти создания представлялись мне всё более загадочными. Простые, как символы, они, по-видимому, и были таковыми. Мне казалось, что через них сам Бог передаёт нам какую-то весть.

Один из цветков особенно привлекал моё внимание. Он был овальной формы и удивлял смешением в одном двух противоположностей – плавные, изящные линии бороздок, закручивающиеся спиралями напоподобие пружины, и россыпь прямых жёстких игл. Непроизвольно возникающая мысль, что пружина, вдруг разжавшись, может запустить в тебя облачко остреньких стрел, тут же гасла от осознания завершённости этого чуда природы наряду с видом беспомощности трогательных зародышей жизни.

Через несколько дней я почувствовал, что предмет моего внимания отзывается на мои взгляды. Мне показалось, что он тоскует и хочет, чтобы я взял его с собой.

Я поместил его в своей не очень просторной комнате на табуретке вблизи окна, у книжных полок. Мне удобно было, отрывая взгляд от компьютера, отдыхать на нём глазами, а ему больше доставалось солнечного света там, чем перед монитором, куда советуют ставить эти необычные цветы, якобы оберегающие нас от излучения. Его спиральки уводили мой взгляд вверх, в сторону неба, о котором напоминали крестики игл, похожие на символическое изображение звёзд.

Проходит день, второй. На третий, доставая с полки книгу, я свалил свой цветок на пол...

Он разбился. От него отвалилась часть колючей кожи. На темени. Он плакал прозрачным соком...

Я был крайне огорчён и взволнован. Меня одолевала *его* боль и чувство *моей* вины. Я стал жить в предчувствии беды.

На следующий день на работе с утра было всё как обычно. Но в полдень случилась нечто удивительное.

В комнату вошла моя сотрудница из соседней комнаты. В руках у неё был картонный стаканчик, из которого выглядывал кактус!

– Это вам подарок, – произнесла она. – Подарок от... – и назвала имя нашей общей знакомой. – Она прислала два кактуса, вам и мне. Послала посылкой! Они были в пути семь дней!

Я был ошеломлён. Выходит, когда я намеревался приобрести кактус в проходе метро, когда только принимал это уникальное для себя решение! – одна добрая женщина уже знала о моих будущих переживаниях за цветок, напрасно доверившийся мне, и решила утешить меня, доверив свой, чтобы своей верой восстановить в моей душе спокойствие, нарушенное осознанием ущербности чувства ответственности и моего невнимания к окружающему!

В записке, сопровождавшей подарок, моя доброжелательница писала, что её кактус только раз в год на один день выбрасывает цветок – *жемчужный граммофончик*, и что это чудо природы любит, когда с ним общаются, он действительно требует к себе внимания. *Эгоистичен, но для здоровья незаменим.*

Он был похож на мой первый. Только иголки не вились по спирали, а венчали вертикальные рёбрышки, которые имели вид стрелок, указывающих на небо.

Сквозь радугу слёз

В пору, когда солнце стремительно идёт на убыль, приехал я в Кузбасс поздравить старшую сестру с днём рождения. Собрались немногочисленные родственники, и пришла соседка, пожилая женщина, подруга сестры.

Сначала были тосты и весёлые воспоминания, связанные большей частью с проделками наших детей и внуков. Затем пели песни. Запевала соседка. Её голос и пение оказались замечательными. Вскоре стала петь только она, а мы все превратились в слушателей. Особенно проникновенно была исполнена песня про горести девушки, выдаваемой замуж за нелюбимого. Слова и мелодия, простые и непритязательные, украшались отзвуками душевных переживаний певицы. Я насладился одной фразой, украшенной небесным символом – знаком божьего завета – «Смотрела сквозь радугу слёз».

Песни навели исполнительницу на воспоминания молодости.

Я сразу почувствовал, что её манера говорить и даже сам голос напоминает о ком-то. Я понял, о ком, когда отвёл от неё глаза – Солженицын!

Когда она *разговаривала*, это сказать было нельзя, но – когда *рассказывала*. Неторопливо и чётко выговаривая слова, она для убедительности, или подчёркивая эмоциональность момента, иногда повторяла только что сказанное. Говорила короткими фразами. Всё это производило впечатление важности и органичности рассказа, проникало в душу и вместе с простотой и точностью слова – завораживало.

Начала она со своего замужества. Девчонку из семьи, живущей в нищете, влюблённую в молодого и бедного учителя, выдали за состоятельного руководителя их села.

– Я попрощалась со своим любимым и больше его не видела. Никогда не видела! Мужу я сказала: не люблю тебя и не смогу полюбить никогда. А он меня сильно любил. Мне жалко было его, он сильно страдал. Да, он сильно страдал по мне. Я много раз просила его оставить меня. Говорила, уйди, пожалуйста, со мной тебе не будет счастья. Оставь, найди себе другую. Она тебя будет утешать, вытирать слёзы на твоих глазах. Но он любил только меня. Да, только меня. А я его терпеть не могла. Мы промучились всю жизнь. Теперь он больной, всё время сидит дома.

Углубляясь в воспоминания, она остановилась на 37 годе – времени, когда особенно быстро сиротело население России.

– Отца взяли за частушку:

*Жизнь красна на трудодне,
Всем со всеми наравне.
Хлеба нам теперь не нужно,
Ведь живот присох к спине!*

Ему выходило десять лет. Но судьи пожалели детей. Кто будет растить такую ораву? Нас было десятеро. Ему уменьшили срок до пяти лет.

Женщина продолжала говорить короткими фразами, делая паузы, подчёркивающие значительность смысла и дающие время пережить услышанное:

– На пятом году отец не выдержал разлуку с семьёй. Он явился домой. Не выдержал – и пришёл! Но, когда только готовили стол для встречи, милиционер был же у крыльца. Теперь отцу определили полный срок.

Она прервала свой рассказ, призывая компанию помянуть родителей именинницы, которые тоже осиротели насильственным путём.

Мы сидели ещё долго, огорчая себя воспоминаниями и приходя в себя с помощью песен, слушая или подпевая.

В пору осени, к тому же у людей с крестьянской душой, естественен разговор об урожае. У сестры и соседки были участки земли при домах. Меня поразила соседка: она накопила несколько сот ведер картофеля и заготовила солений около трёхсот банок!

– У нас бывает много гостей, – оправдывалась она после моего удивлённого возгласа. – Кто помогает? Сын вспахал землю. А копать помогала твоя сестра.

Уже поздно вечером, когда гости разошлись, соседка пришла вновь. Она принесла ведро картофеля и просила меня взять его с собой.

– У меня картошка необыкновенная, сортовая, очень вкусная, – она называла сорта и с воодушевлением перечисляла их достоинства. – Вот эта белая круглая особенно хороша: она вся одинакового размера, одинаковой формы и – очень много в кусту. Вытащишь куст, отряхнёшь – она так красиво смотрится на земле! Одно удовольствие копать такую картошку!

Я уезжал ночью, удлинённой приближением к зиме. Я взял с собой необыкновенный картофель.

Часть клубней я оставил до весны, чтобы посадить на даче. На ней тенисто, и картофель пойдёт в куст. Куст покроется звёздочками кротких цветков. Их соцветия, как символ плодородия, хорошо бы дарить женщинам, как принято было когда-то, я слышал, в Испании. Любуясь ими, я буду вспоминать замечательную русскую крестьянку, руки которой пропитаны чудесным ароматом картофельного поля.

Чёрная магия

По осени я в очередной раз приехал в Кузбасс на день рождения своей старшей сестры и услышал там одну странную историю. Вот что рассказала одна из её подруг.

Дело было в достопамятные девяностые годы. Её дочь, поселившаяся с мужем в квартире, доставшейся от её деда, уже с первых дней боялась туда заходить, даже если там кто-то уже был из родственников, и тем более не могла спокойно оставаться дома одна. Страх был безотчётный. Она чувствовала, будто какая-то злая сила подстерегает её, прячась в сумраке по углам комнаты или под кроватью. Или ей казалось, вот-вот кто-то дотронется до её спины рукой. Дом был на двух хозяев, в другой его половине всегда кто-то был, и соседи были добрые. Но это не помогало. С самого утра, как только муж уходил на работу, дочь покидала дом, скрываясь от страха у подружек или в доме матери.

Обо всём этом было рассказано в церкви батюшке, и тот посоветовал освятить квартиру – *удалить наитие нечистого духа, призывая Господне благословение.*

– Когда обходили со свечками квартиру, у старого шифоньера оплавленный воск стал падать на пол чёрными каплями, – уверяла женщина, призывая в свидетели свою дочь и зятя, которые присутствовали при том деянии.

Освящение не помогло, и квартиру продали. Купили родственники соседей. Когда новые жильцы приводили в порядок шифоньер, они убрали застилавшие нижнюю полку газеты. Под газетами лежал конверт для письма, не подписанный, но запечатанный. Там оказалась прядь тонких седых волос.

– Говорят, так наводят порчу. Волосы берут у живой или умершей злой женщины. Но кто это мог сделать? – недоумевала подруга сестры.

Она решила рассказать о конверте одной своей близкой родственнице, а та спросила:

– И что ты думаешь, кто это сделал?

– Это могла сделать соседка через дорогу. Опустившаяся женщина. Часто выпивает. Она заходила иногда к нам при отце.

– Нет, это не она.

– А кто же?

Женщина так закончила свой рассказ:

– Я говорю: «А кто же?», а она сделала вот так... – и рассказчица показала ужимку, какой ответила ей родственница. Это было лёгкое движение головой вверх, сопровождающееся поджимом губ и разовым напряжением век, – мол, думайте, что хотите, а я знаю, да не скажу.

Подозрение пало на неё и не без оснований – было известно, она хотела, чтобы злополучная квартира досталась ей.

Четвёртый маршрут

Конец октября. В бессолнечный, но ещё тёплый день я возвращался из последней поездки на дачу. Электричка стала уже на конечной остановке у Главного вокзала. Я подходил для выхода к тамбуру, когда с крайнего места поднялась девушка, держа в одной руке сумку в другой трость. Было хорошо видно, что у неё большие проблемы с ногами, начиная со ступней, которые казались пассивными, непослушными. Однако она решительно начала делать попытку стать на первую сходную ступеньку, уже упершись в неё тростью.

– Дай-ка мне твою сумку, – сказал я, присоединив её сумку к своей в левой руке. Взяв её под руку другой рукой, я помог ей переместиться на одну ступеньку вниз. Видя, что девушка взялась рукой с тростью за поручень, я забрал у неё и трость, чтобы она ей не мешала. Мы уже переместились на вторую ступеньку, когда я увидел, что один мужчина задержался, сойдя на платформу, и наблюдает за нами, как бы готовый подстраховать. Я подал поддержать ему наши сумки, а сам, сойдя на землю, подхватил девушку подмышки и опустил вниз. Последнее мне удалось выполнить, только проявив большую собранность, поскольку девушка оказалась намного тяжелее, чем можно было ожидать. Она сама это заметила, проговорив, приземлившись:

– Я вас чуть не завалила.

Мы направились к лестнице переходного моста, и я сказал мужчине, проявившему готовность помогать нам, что я могу взять сумки, чтобы его не задерживать.

– Да, хорошо. А то мне уже нужно спешить, – промолвил он, ускоряя свой шаг.

Конечно, для неё были очень длинными эти четыре секции лестницы, ведущие на мост. Но она упорно и, стараясь быть шустрой, без передышки преодолела весь подъём. Сначала она помогала себе тростью, но вскоре решила, что легче будет подниматься, ухватываясь рукой за перила лестницы. При этом часть её веса я брал на себя, крепко держа её под руку. Конечно, мы продвигались не так быстро, и со стороны, по-видимому, казалось, что нам обоим нелегко, потому что обгоняющие нас мужчины не раз предлагали понести наши сумки.

Пока мы поднимались, я узнал, что она едет с Тогучина.

– Ты живёшь в Тогучине?

– Да, там мой дом, я живу с мамой и папой.

Когда мы вышли на мост и повернули в сторону вокзала, девушка спросила:

– Вам тоже в эту сторону?

– Да, – ответил я, – мой дом в этой стороне, здесь неподалёку. До него легко дойти пешком. Но я только зимой здесь живу, а так всё лето на даче.

– У вас там огород?

– Да. И я особенно люблю присматривать за помидорами, особенно в пору их созревания. А совсем недавно я случайно купил семена помидор, которые, оказывается, можно выращивать на дому! Вот везу с дачи немного земли, чтобы их посадить.

– У нас дома растут такие помидоры. Плоды вот такие, мелкие. Сейчас они как раз поспевают, раскраснелись.

– Да? Как интересно! А я думал, это – редкость. Никогда о таком не слышал.

Девушка уже отдохнула от подъёма и шла более свободно. Она теперь предпочла, чтобы я не держал её под руку, и мы шли, держась за руки.

– Тебе, наверное, нужно на остановку транспорта?

– Да.

– Автобус? Троллейбус?

– Четвёртая маршрутка.

– Четвёртая, четвёртая... Я езжу на ней в библиотеку, это в центре города, отсюда всего несколько остановок. А тебе далеко добираться?

– Остановка «Советская Сибирь».

– Да, да, знаю. Это возле редакции газеты «Советская Сибирь». Я бывал там когда-то. Это довольно далеко, на другом берегу реки. Ты, наверное, приезжаешь сюда учиться.

– Да, я здесь учусь.

– И живёшь в общежитии.

– Да, всё верно. Вы догадливы.

– Только вот не могу догадаться, где ты учишься.

– Вообще-то, глядя на меня, легко и догадаться... Я учусь в училище социальной реабилитации.

– Да, мог бы догадаться, потому что, теперь припоминаю, это училище находится рядом с редакцией газеты «Советская Сибирь». На новый год, конечно, съездишь домой.

– Нет. Только в феврале. В феврале уеду домой.

– Как уеду? Заканчиваешь учиться?

– Подумаю ещё.

Мы были уже на посадочной платформе маршруток. А вот и четвёртый номер. Я помог девушке подняться в машину. Когда она уселась, я, отделяя её сумку от своей, чтобы передать ей, произнёс:

– Как бы не перепутать! Вот эта – тебе, а эта – моя.

Она приняла сумку и, не попрощавшись и не поблагодарив, стала как-то беспокойно озираться. Тут двери закрылись, и машина тронулась.

Уже позже я подумал, что в тот момент она могла вдруг ощутить тяжесть одиночества, переживания которого только обостряются в окружении чужих людей. Да, она вела себя как естественный человек. Оказавшись вдруг в толпе сосредоточенных на себе горожан, она, возможно, почувствовала, что именно с этого момента снова начинается её жизнь вдали от родных, вдали от родины...

НЛО

Открытая местность, ночь. Летящая по зимней дороге грузовая машина, в открытом кузове которой стоит мужчина, подставляя лицо в сорокаградусный мороз встречному ветру.

Эта картина часто у меня перед глазами, поражая мужеством человека, властного над обстоятельствами. Этот человек – знакомый мне армянин, приехавший в Сибирь на вольные работы с двумя ещё совсем юными сыновьями. Он остановился в одном отдалённом районе, где занялся строительными работами.

Однажды, возвращаясь из Армении, куда ездил за женой, он вёз что-то, переданное для меня, и я приехал в аэропорт. За ним из села прибыла машина. Но как раз сильно разморозилось. Места в кабине ему не было, и я не представлял, как можно в течение более двух часов противостоять ледяной стихии в открытом кузове. Я уговаривал его не торопиться и поехать ко мне домой.

– Ничего страшного. Доедем! – твёрдо отклонил он моё предложение, указывая на кусок брезента, которым собирался укрываться от ветра.

А вот другая удивительная картина, возникающая в моём воображении.

Дом участкового того села, где работает наш армянин. Ночь. Перед светильником мужчина, внимательно читающий книгу. Книгу о неопознанных летающих объектах. О том, что их нет. Но человек не верит в утверждения, отрицающие чудеса. Сын угнетённого крестьянина, поставленный надзирать за бедными односельчанами, он не может жить, не веря в сверхъестественное.

Две картины моего воображения связались в реальной жизни обстоятельствами места и времени.

Ах, ты молодость, буйная молодость!

Юных сыновей моего первого героя увлекали местные красавицы. Сельские парни решили отвадить от них чужаков. Но те оказались отличными драчунами, так что милиция приняла их за нападающих и задержала. Последствия стычки оказались не лёгкими, и отцу надо было как-то выручать сыновей.

Теперь нужно ввести в действие рассказа вашего покорного слугу.

Я не верю в НЛО, но хотел верить и искал доказательства. Зная об этом, один из моих друзей достал для меня фотоплёнку с копией книги американского автора об НЛО. Я только начал просматривать фотокопию, как передо мной предстал первый наш герой с неожиданной просьбой найти что-нибудь о неопознанных летающих объектах!

Ну, разве это не чудо, впервые взять книгу об НЛО в руки и тут же услышать, что в то же время это хочет сделать и другой человек, причём очень земной, очень далёкий от интереса к сверхъестественному!

Но книга нужна не ему. Он подарит её участковому, которому ничто человеческое не чуждо, и если подогреть его веру в чудеса, то всё может быть чудесенюшко и с попавшими в беду парнями.

Поражённый стечением обстоятельств, связывающих в один узел интересы разных людей, я не мог не поспособствовать устройству судьбы двух юношей. Их отец уезжал сегодня, и я отдал ему плёнку с доказательствами возможности на земле чудес. Отдал, не успев не только снять копию, но даже полностью её просмотреть.

Предновогоднее происшествие

В прицерковном сквере, куда я обычно выхожу на прогулку, было безлюдно, что показалось мне странным для выходного, да ещё и предновогоднего дня. Но вот, не сделал я и полного круга, как увидел женщину, идущую мне навстречу. В одной руке она несла тёмные целлофановые сумки, в другой – ёлочку. Между нами было уже метров десять, когда она остановилась, потому что уронила свои сумки, и тут же смотрю – ёлочка вываливается из её руки. Женщина повернулась к сумкам и наклонилась к ним, мне показалось, чтобы их поднять, но вместо того, чтобы потом распрямиться, она, продолжая наклон, кувыркнулась в снег на обочину дороги. Я уже был рядом с ней. Я подал ей руку со словами:

– Давайте, я помогу вам подняться.

Она протянула руку, но, когда я взял её в свою, женщина обвисла на моей, никак не способствуя мне поднять её. Тогда я взял её обеими руками подмышки и поставил на ноги. Затем я стал наклоняться к её сумочкам, чтобы подобрать их, но тут женщина вдруг свалилась на дорожку так, как будто её ноги были ватными. Я снова поднял её и уже не стал отпускать, потому что она стояла с трудом. Глаза у неё были закрыты.

– Проводите меня домой, – произнесла она расслабленным голосом.

– Да, я вас провожу, – сказал я. – Надо бы вызвать скорую помощь, но сегодня я как раз не взял с собой мобильник... У вас нет с собой мобильного?

Женщина не ответила.

Мне стоило не малого труда, удерживая женщину одной рукой, другой собрать её сумочки, которых оказалось три, и поднять ёлку. Твёрдо удерживая женщину под руку, я повёл её к выходу из сквера. Она шла с закрытыми глазами и еле передвигала ноги.

– Далеко ваш дом?

– Нет, по улице через два дома.

– Скажите свой адрес, чтобы я доставил вас домой, если вы снова потеряете сознание.

Женщина молчала.

– Но что с вами? Я видел, как вы наклонились к своим сумочкам и кувыркнулись в снег.

– Нет, я не наклонялась... я уже падала...

– И часто случается с вами такое?

– Нет... это в первый раз... у меня температура... я вышла с температурой...

– Ну, понятно, какой же новый год без ёлки! Скажите, у вас дома есть кто?

Она опять промолчала.

– А отчего у вас температура, вы чем больны?

– Я простыла... у нас в квартире холодно... не топят... Она говорила слабо и невнятно.

– Но скажите хоть, какой номер вашего дома?

Женщина не отвечала. Я, наконец, понял, почему она не отвечает на мои вопросы, касающиеся её местожительства и домочадцев. Боится. Опасается открывать незнакомцу то, чем он может воспользоваться. Ну, что касается домочадцев, то, конечно, она живёт одна, раз умолчала о них... Это проявление её настороженности по отношению ко мне было мне неприятно, но я тут же с удовольствием отметил, что, раз женщина так себя ведёт, значит, она в здравом уме и сознании.

Когда мы приблизились к её дому, на что она указала, она стала шагать боле твёрдо и даже принялась застёгивать расстегнувшуюся пуговицу на шубе. У неё, правда, ничего не получилось, и я сказал:

– Да, ладно, мы уже почти дома.

Но она промолвила:

– Мне холодно, сюда поддувает.

После непродолжительной возни она всё-таки справилась со своей непослушной пуговицей. Затем, как бы очнувшись, стала повторять:

– Это волшебство, это – волшебство!

– Что вы считаете волшебством?

– Ну, как же! Я думала, что никогда уже не окажусь дома! Я подумала: «Мне – конец!»

– Но, получается, что это я поработал волшебником!

– Ну, конечно, вы...

Когда мы поднялись на крыльцо, она взяла у меня одну из сумочек, довольно быстро нашла там ключи и открыла подъезд. Когда мы входили в подъезд, я вынужден был отпустить её, удерживая освободившейся рукой дверь так, чтобы она не прихлопнула елку, но попросил её, войдя, постоять, привалившись к стене. Затем, снова удерживая под руку, подвёл женщину к лифту. В тамбур её отсека дверь не была закрыта на ключ. Она толкнула её и, оставив распахнутой, подошла к дверям квартиры. Без особого труда отомкнула замок. Но входить не стала. Она стала рыться в одной из своих сумочек, нашла там кошелек и раскрыла его. Эта неосторожность как бы нарушала её принятое ранее недоверчивое отношение к незнакомцу. Я немного удивился. И тут женщина впервые взглянула на меня. Я увидел её лицо и глаза с очень близкого расстояния, потому что всё ещё держал её под руку. Это было очень привлекательное лицо белокурой женщины с открытыми большими серыми глазами. Да она оказалась совсем молодой, лет сорока, не больше! Волосы её были вьющиеся, а кожа лица белая...

– Я благодарю вас за помощь, – сказала женщина, – и хочу поздравить с наступающим новым годом. Возьмите хотя бы сто рублей, за то, что помогли мне добраться до дома, – она уже держала в руках сотенную купюру. – Это будет от меня вам новогодний подарок.

– Нет, нет! Что вы! – воскликнул я. – Ничего мне не надо! Я ведь волшебник, а волшебники работают бесплатно. Я рад, что удалось вам помочь!

– Ну, хорошо, – произнесла она. – А теперь идите, я смогу сама зайти и добраться до кровати...

– Выздоровливайте! – произнёс я, но не заспешил тут же к выходу, а продолжал смотреть на неё, неспешно проговаривая поздравление с наступающим главным праздником года...

– Спасибо, но идите, идите же! – подбодрила она меня.

Мне стоило некоторого труда отвести от неё свой взгляд. Я вышел на лестничную площадку. Женщина не торопилась входить в свою квартиру, она подождала, когда я начну спуск по лестнице.

Чудеса пространства и времени

Под новый год поехали мы с женой пережить удовольствия и напасти празднества в семье двоюродного её брата, жившего в небольшом сибирском городке недалеко от нас – через ночь пути на поезде. Надо сказать, что с этим городом, назовём его *K*, нас связывают не только родственники жены, но и воспоминания нашей с ней молодости: здесь мы в течение двух лет жили и работали, съехавшись после окончания учёбы в институтах. Наши вузы, надо сказать, были удалены друг от друга на несколько тысяч километров. И достойно удивления то, что моя жена и брат её, родившиеся и выросшие на Кавказе, нашли спутников жизни в одном и том же городке далёкой для них Сибири, оказавшись в городе *K* в разное время и совершенно по непохожим делам.

На празднование приехала мать хозяина дома, тётя моей жены, которая в своё время проводила любимую племянницу в Сибирь, снабдив валенками. Ей восемьдесят лет, но она не устаёт путешествовать, к чему вынуждает обширная география проживания детей и внуков – от Еревана до Москвы в высоту глобуса и от Сибири через Европу до Канады в ширину.

По прибытии в город нам сейчас же захотелось пройтись по нему, чтобы расшевелить нашу тоску по молодости при виде мест, где мы жили, работали, где развлекались и влюблялись. Мы с трудом разыскали дома, в которых работали и где жили – всё было снесено или перестроено. Но вот он – небольшой кирпичный клуб, в котором проводились праздничные вечера нашей геологической экспедиции, и где моя будущая жена радовала сотрудников и горожан своим пением. А вот мост, вблизи которого в долине реки было стрельбище, где она заняла первое место по стрельбе из винтовки в городских соревнованиях. А вот он – железнодорожный клуб, в который мы с другом ходили на танцы, и у стен которого местная шпана разбиралась с нами из-за своих красавиц...

Не буду описывать дела застолья, связанного с проводом старого года и встречей нового. Скажу только, что всё соответствовало обилию и прихотям восточной кухни. Поздравить нас с новым годом, когда он только что наступил, пришли родители жены хозяина дома, жившие неподалёку. По национальности они – немцы, потомки тех, которые приехали жить в Поволжье по приглашению Екатерина II, как они сами об этом сказали с оттенком гордости в голосе.

Разговоры, разговоры... С ними здесь дочь и сын. Ещё одна дочь с мужем уехала в Германию. Они тоже переселились было туда, но оставались там только два года.

– Как можно жить на чужбине? Наша родина здесь. В России жили наши отцы, деды и прадеды.

Такое заявление удивительно, учитывая, что эта родина сослала их матерей с детьми в Сибирь, а отцов отправила в трудотряд, где они вскоре умерли от голода. Я поделился схожей судьбой моих родителей. Мы посетовали на жестокость людей, удивляясь не столько сочинителям приказов, сколько исполнителям оных.

Разговор об успехах в этой жизни нашего молодого поколения примирил нас с действительностью, и мы довольно весело закончили празднество за отменными восточными блюдами и напитками.

Возвратившись домой, мы с женой только успели привести себя в порядок и немного отдохнуть за чаем, как раздался телефонный звонок. Нас поздравлял с новым годом мой друг, с которым я провёл два года бурной холостяцкой жизни как раз в том городе, который только что посетил, впервые с тех пор, как оставил его! Мы вместе с ним покинули город *K* и разъехались в разные стороны на тысячи километров. И, можно сказать, раздружились, поскольку не переписывались и не звонили друг другу уже лет двадцать. Воистину чудеса – его потянуло позвонить мне вчера именно тогда, когда я вспоминал о нём на месте отчаянных походов далёких лет нашей бездумной молодости!

Вертолётчик

На полпути из бани к дому (а день был субботний) меня остановила женщина и попросила обратить внимание на человека, лежащего на ближайшем перекрёстке.

– То ли пьян, а, может, с сердцем что-то, – добавила она.

Человек лежал на снегу под деревом рядом с ледяной пешеходной дорожкой. Лежал спокойно, как будто спал. Я потормошил его за плечо, и он открыл глаза.

– Вы что здесь собираетесь спать? Вставайте.

Очнувшийся не стал протестовать и помог мне поставить себя на ноги. Он твёрдо мог стоять на ногах, то есть ноги у него не подкашивались, но у него напрочь был отключён *орган чувств, воспринимающий изменение положения тела в пространстве и обеспечивающий сохранение равновесия*. Я принялся тут же внимательно следить за его вертикальностью и вовремя подправлять её. Это было тем более важно, что мужчина оказался почти на голову выше меня и, наверное, в полтора тяжелее, и мне было бы трудно привести его к вертикали, отклонись он от неё значительно. Он не был грузным, он был, как говорят, крепко сшит: его спортивная фигура, казалось, была налита мышцами, как у спецназовца. Кроме этого меня поразила его одежда – вся с иголочки: интересно сшитые тёплая куртка и кожаная тёплая шапка с козырьком. Ботинки тоже были не простые, как и ручная сумочка.

– Тебе нужно идти домой. Где ты живёшь?

Я стал говорить ему «ты», пьяные это воспринимают как дружеское обращение.

– Здесь, недалеко.

– Пошли, я провожу. Почему ты свалился?

– Был у друга. Мой друг афганец. Вертолётчик. Как и я. Но я не был в Афганистане.

Отмечали... защитника отечества.

Он говорил очень невнятно.

Мы двинулись минут пять, когда он остановился.

– Нет сил. Нужно отдохнуть.

Мы немного постояли и снова пошли.

Ему часто нужно было отдыхать. В очередной раз он присел на низкое каменное ограждение палисадника и уже не хотел или не мог встать.

Я повторил вопрос о месте его жительства. Он опять ответил «Здесь, недалеко», но после моих настойчивых вопросов назвал адрес. Ходу было ещё минут на двадцать.

– У тебя, наверное, есть мобильник, – сказал я.

Так и оказалось.

– Позвони домой, пусть за тобой придут.

У вертолётчика была крупная ладонь с мощными длинными пальцами. Такая же, как у моего отца, подумал я. Вспомнив отца, я отметил, что мой спутник сильно напоминал его также статной фигурой и мужественным лицом. Между тем мужчина пальцем на всю ширину телефона неловко тыкал по панельки. Видя, что с набором номера у моего подопечного ничего не выходит, я попросил его предоставить такую возможность мне. Но он твёрдо, как мог, ответил «Нет», очевидно, не доверяя незнакомцу.

– Тогда я вынужден оставить тебя, – пригрозил я.

– Да, оставь. Спасибо. Здесь уже недалеко, – обезоружил он меня.

– Но ты же не дойдёшь один!

– Отдохну немного и пойду.

Я решил чашу сочувствия допить до дна. Мы медленно заковыляли дальше.

– А ты надёжный... ты благородный! – произносил мужчина несколько раз в дальнейшем пути.

Несмотря на сильное опьянение, мой вертолётчик очень хорошо ориентировался в пространстве улиц, переулков и дворов, прокладывая путь к своему дому по кратчайшему пути (при этой мысли я опять вспомнил своего отца).

Наконец мы подошли к его подъезду.

Входная металлическая дверь была заперта. Она открывалась ключом, которого у нас не было. Попытки позвонить по мобильному телефону опять закончились неудачей, пройдя по всему прежнему сценарию. Нам оставалось ждать, когда кто-нибудь из жильцов откроет дверь. Мужчина пристроил себя на заборчике из железных труб и, с трудом удерживая сидячее равновесие, поглядывал на окна своей квартиры, которые светились, кажется, на четвёртом этаже.

Прошло минут пять, когда к нашему подъезду подошла группа молоденьких парней и девушек.

Мы поднялись. Звонки в квартиру долго не давали нужного результата. Наконец дверь открылась. Полноватая распаренная женщина, обвитая широким махровым полотенцем, проговорив «Ох, а я была в ванне!», крепко взяла под руку моего вертолётчика и повела в комнату. Он, видно, сказал ей что-то про меня, потому что женщина вдруг обернулась. Я не стал ждать благодарности и покинул их дом.

Юля

Произошло всё совершенно случайно.

Во дворе дома, куда я переехал недавно, был небольшой магазин. Однажды я стоял в очереди за женщиной, которая уже рассчиталась, но ещё складывала покупки в сумку. Та, о которой собираюсь повествовать, стояла по другую сторону прилавка. Она перевела взгляд на меня, и мы несколько секунд смотрели в глаза друг другу. Наконец, она произнесла:

– Вы будете что-нибудь заказывать?

– А что – уже можно?

– Ну, я же смотрю на вас!

– Но ваш взгляд не вопрошающий, он полон грусти, – возразил я. При этих моих словах её напарница, стоявшая рядом, усмехнулась и, склонившись к её уху, что-то нашептала. Та как будто немного смутилась. Я стал называть покупки. По задумчивому и отрешённому виду было видно, что молодую женщину гнетёт какое-то переживание. Наверное, напарница сказала, что я угадал её тревогу.

В другой день она негромко беседовала через прилавок с мужчиной неопределённых лет. Я стал неподалёку, рассматривая полки. Я заметил, что она взглянула на меня. И вдруг в её голосе послышались переливы, которые возникают, когда человек радостно волнуется. Я мельком взглянул на её собеседника. Он стоял молча с усталым и безразличным выражением лица. Но вот он отошёл. Она перевела взгляд на меня и быстро изменила своё одухотворённое лицо, стараясь убрать с него все следы волнения. Мне нужен был пакет молока. Я назвал процент жирности. Она пошла вдоль прилавка, но не могла найти то, что нужно. Её напарница переспросила у меня процент жирности, взяла нужный пакет прямо перед носом у Юли (я слышал, таким именем её называли) и сунула ей в руки.

После этого, когда я имел дело с её напарницей, та всегда охотно со мной здоровалась и как-то загадочно улыбалась при этом. Иногда мы перебрасывались несколькими словами.

Однажды, зайдя в магазин, я увидел Юлю приводящей в порядок витрины и спросил, не дизайнером ли здесь она.

– Нет, просто у нас такая работа, мы должны заботиться, чтобы на витринах всё было расставлено красиво. Вот я этим и занималась, – и она указала на витрины перед собой.

– Я видел, Вы приводили в порядок и винные полки. Кстати, у вас есть каберне? Моё любимое вино – каберне. Мне нужно полусладкое.

Она стала на табуретку, чтобы достать бутылку, и оказалась передо мной во весь рост. *Стройна и соразмерна*, промелькнуло у меня в голове.

– Здесь только сухое, – сказала она.

– Давайте сухое, сухое вино, говорят, здоровее.

В канун Пасхи подошёл к магазину рано. Нашёл двери запертыми. Не сделал и двух шагов прочь, как Юля (изнутри) открыла двери.

– Я подошёл после восьми, но вот дверь была закрыта, – проворчал я.

– Часы, бывает, идут неправильно, – ответила она, намекая то ли мои, то ли свои часы.

В магазин вместе со мной зашли и другие. Сделав покупки, я вышел. Часа чрез два я снова пришёл за покупками.

– Вы опять пришли! – заметила она.

– Дома пекут, вот и гоняют туда-сюда. А вы завтра работаете? – спросил я и услышал через её лёгкий смех:

– Нет!

А задал я такой вопрос, потому что завтра зашёл бы сказать ей: *Христос воскрес!* что в общем-то должно сопровождаться поцелуями.

- Но ведь вы работаете несколько дней подряд!
- Да. Мы три дня работаем, три дня отдыхаем. Сегодня мой третий день!
- Значит, я редко посещаю магазин, что не заметил этого!
- Нет-нет, вы заходили!
- Да?

– Да-а, да-а! – пропела она, как будто выражая желание видеть меня чаще. Но я знал, что последние два дня проходил мимо.

Через несколько дней, в обеденный перерыв, она сидела с подругой на оградке из труб, что позади магазина под деревьями. Я шёл из-за её спины. Поравнявшись, увидел вытянутые для отдыха ноги, перекинутые друг на друга у маленьких ступней, освобождённых от светлых босоножек. В руках держала сигарету. Слегка сбавив шаг, я бросил: Хорошо отдыхаете! Она быстро взглянула на меня и что-то промолвила грудным расслабленным голосом, что-то вроде *Ну, да!* но невнятно. Как будто мурлыкнула кошка, когда её погладишь.

Утром, направляясь на работу, зашёл купить кофе. Перед ней стояла молодая женщина. Когда я подошёл, Юля тут же обернулась ко мне лицом, и мы кивнули друг другу. Я, замедлив шаг, остановился неподалёку от них, но она сказала своей подруге, указывая на меня глазами:

- Вот у меня первый покупатель, ты подожди немного!
- Я первый покупатель сегодня? Мне будет за это приз?
- Да! Вечером!
- Хорошо, я буду вечером!

Когда я брал кофе и расплачивался, Юля и её подруга как-то без видимых причин пересмеивались.

Захожу вечером часов в шесть. Увидев меня, бывшего ещё у входа, говорит:

- А-а! Вы уже пришли!
- Вы мне приз обещали.
- Приз – это мороженое, вон там!
- Мороженое? И больше ничего?
- Нет...

В отпуске я был в отъезде. Когда вернулся, некоторое время Юли не видно было. И – вот она! Выглядит свежей, цветущей. Смотрит приветливо.

– Что будете покупать?

– Мне нужен кофе. Дайте вон тот, наверху – и называю марку. Она идёт в отдалённый угол магазина за табуреткой. Ставит напротив меня, поднимается и, когда тянется за кофе, халат обнажает сверкающие белизной подколенки.

- Что ещё?
- Плитку горького шоколада.
- Вам пористый?
- Нет!

Приносит шоколад с орехами.

– Я хотел без орех, мне нужен шоколад для кофе. Ну, да ладно, сойдёт и этот.

Однако, она приносит плитку пористого без орех.

- Кофе хорошо с пористым, возьмёте?
- Давайте. Нет, тот не убирайте, я беру обе плитки.

Стою, укладываю покупки в целлофановый кулёк, вытащив его из сумочки-портмоне.

– Всё вошло бы в вашу кожаную сумочку, – говорит вдруг она.

– И это? – Я указываю на банку кофе. – Нет, не войдёт. И мне не хочется растягивать мою любимую сумочку.

– Но в сумочке было бы лучше, чем в целлофане! – не унималась она.

Собираю покупки в целлофан и вспоминаю слова, кажется, Цветаевой: Нет более жалкого зрелища, чем мужчина с целлофановым пакетом в руках. Неужели у моей знакомой такой аристократический вкус?

Покупателей нет. Она стоит у прилавка, смотрит на меня. Её лицо очень близко. Оно располагает к разговору.

– Давно Вас не видел. Были в отпуске? – говорю я.

– Да.

– Где же проводят отпуск работники магазина?

– Сначала на сессии в Томске, потом на Алтае.

– На Алтае? Я тоже был там недавно. Но Вы, наверное, в Горном Алтае?

– Да.

– Я был на Катунь.

– Я тоже на Катунь! она ведь и в Горном Алтае!

– Замечательно! Значит, эта река нас как бы соединяла...

Она стоит передо мной, краснеет в губах и сияет лицом, к которому не пристал загар.

И тут подошли покупатели. Я медленно пошёл к выходу. Мог бы и ещё задержаться, подумалось позже. Потому что через короткое время мой магазин закрыли и затем – снесли. Юлю я больше не видел.

Чудесное мгновение

Поездом Новосибирск-Красноярск ехал я в Кузбасс, на родину, чтобы, как всегда, провести там Первомайские дни.

Когда я прошёл в свой отсек плацкартного вагона, он был ещё пуст. Я снял куртку и сел у окна. До отхода поезда оставалось минут десять. Вскоре стали появляться пассажиры. Вот подошла совсем молоденькая светловолосая девушка и, не сказав слов приветствия, даже не взглянув на меня, уселась на *мою*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.